

Отдельные номера в Петроградъ шестьдесятъ пять (65) коп., в провинции семьдесятъ (70) коп., на станд. жел. дор. 75 коп.

Рисунокъ съ натуры для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМИРОВА

„Мѣшечники“ на Знаменской площади в Петроградѣ.

Недоѣданіе въ столицѣ породило особый промыселъ. Солдаты здѣшняго гарнизона, пользуясь бесплатнымъ передвиженіемъ, разъѣзжались по деревнямъ и городамъ и оттуда и навозили живность, масло и др. продукты. Цѣны взились мародерскія, но этотъ провiантъ все же былъ подспорьемъ для оскудѣвшаго рынка.

Петроградъ въ эти дни

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры для «Огонька» худ. М. АНДРЕЕВА и С. ЖИВОТОВСКАГО.

Мчится, лязгая расхлябаннымъ желѣзомъ, трамвайный вагонъ. Вагонъ тащитъ за собой «прицѣпку». А на прицѣпкѣ—другая прицѣпка: живая, съ лихо заломленной, блинообразной фуражкой. На буферѣ, криво поставивъ казенные, вохрянного цвѣта, некрашенные сапоги, мчится совершенно—во всѣхъ смыслахъ—«демобилизованный» воинъ.

У него, въ свою очередь, тоже есть прицѣпка, болѣе сложная и, такъ сказать, монументальная: держать построжки небольшихъ саней, на которыхъ въ вальняной позѣ, или, какъ говорили актеры времени Островскаго, въ «позитурѣ» сидитъ этакій дядя, окруженный сундучками, тюками, закатанными въ одѣяла... Взглядъ, стрѣляющій изъ подъ папахи, весьма воинствененъ:

— Эхъ, тяжело придется сосѣдямъ по вагону. До самаго Венева или Кадникова сей бравый мужъ, отлеживавшій тоску по родинѣ, съ ароматической сигаркой въ наслоненномъ рту, будетъ бушевать, бить стекла, храпѣть, «заграждать входы».

Пока «прицѣпки» уприцѣпокъ вольготно покидаютъ Петроградъ, на Невскомъ, тутъ же, стоитъ хвостъ передъ домомъ, въ которомъ возсѣдаетъ комиссия по разгрузкѣ, рассматривающая желанія выѣхать изъ столицы.

ляра изображала шоколаднаго маститаго коня, хвостъ у котораго ярко-красенъ, какъ клешня владивостокскаго маринора.

ваннаго омара, и весьма склоненъ пародировать самоварную трубу...

Шербакова переулкѣ, — были скромнѣй размѣрами и сѣрѣй видомъ своимъ рекламнымъ.

Теперь они распухли, горделиво выпятили свои мясистыя стегна и груди.

Прежде,—увы и ахъ!—совсѣмъ, совсѣмъ не такъ давно «маханина» шла не по два съ полтиной, а по четвертаку за фунтъ филейной, сочной вырѣзки, и бѣдные татары только руками въ тяжкомъ огорченіи разводили:

— Совсѣмъ доругымъ... дороже дорогого... Прежде шесть копейки стоилъ...

И все же подъ ногами по-омароваго вывѣсочнаго коня тянется хвостъ, не лошадиный, а человѣческій, и все въ приличномъ видѣ, шляпкахъ, эспри, пенснэ и котикахъ... Тутъ-же прислуги въ полущелкахъ: баре послали за шейной вырѣзкой, той самой, надъ которой буйно развѣвалась вороная грива...

А въ сторонѣ въ убитыхъ, трагикомическихъ позахъ стоятъ продавцы «шурума» и гортанно лескотятъ:

— Пылохо... совсѣмъ пылохо... Ашаты маханъ стали и господа...

* * *

Роли перемѣнились. Прежде «желтоглазый» лихо растопыривалъ локти, натуживалъ широкую грудь, набитую самой отборной шерстяной ватой, и рекламировалъ передъ барышнями свой сомнительный выѣздъ:

— Мигомъ прокатимъ... Однимъ духомъ, сударыня... Легче пуха-съ, право слово...

Теперь соприкосновеніе «желтоглазаго» представителя народа и юной представительницы отчужденной интеллигенціи складывается нѣсколько въ иномъ видѣ.

Теперь въ извѣстной долѣ рекламой занята барышня въ шляпкѣ изъ кро-

Овчинныя папахи уѣзжаютъ на «подножные корма».

Лимфатическія женщины, кормящія младенцевъ, остаются...

* * *

На ярко-голубой вывѣскѣ «безот- ственная» кисть темпераментнаго ма-

«Продажа конскаго мяса Хабибулова».

Давно ли эти аллегорическіе кони, расказавшіеся съ вывѣсокъ прямо въ ротъ халатниковъ изъ «тѣснинъ» грязнаго

личьяго «электрика», а извозчикъ невозмутимо озираетъ продавщицу газеты.

— Нѣмецкая делегація въ Брестъ.

— А ну-ка, сударыня, давайте номерокъ—отъ...

Продолженіе на 3-ей стр. обложки.

3

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **ОГОНЬКЪ**

Годъ изданія 11-й.

Цѣна „Огонька“

въ розничной продажѣ

въ Петроградѣ 65 коп.

въ Петроградѣ 70 коп.

на ст. жел. дор. 75 коп.

Редакція „Огонька“

Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 2

Четвергъ, 14 (1) марта 1918 г.

№ 2

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (Законъ 20 марта 1911 г.).

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМИРОВЪ.

Не особенно давно, весною прошлаго года, одинъ мой пріятель показывалъ мнѣ довольно диковинную вещьцу—фотографическій альбомъ для руководства филеровъ по политической службѣ. Это была небольшого формата, но довольно толстенная книжка, которая развертывалась и складывалась, какъ гармонія, съ карточками на обѣихъ сторонахъ, словомъ нѣчто въ родѣ карманнаго альбома видовъ какого нибудь города или морского побережья. Попала она къ нему очень кружнымъ путемъ въ тѣ дни февральской революціи, когда громились и сжигались полицейскіе участки. Кажется, онъ перекупилъ ее у какого то уличнаго маклака.

Мы разсматривали этотъ альбомъ вмѣстѣ съ пожилымъ агрономомъ, специалистомъ по виноградарству и по филоксерѣ. Помню, меня очень заинтересовала разница въ выраженіи лицъ

снятыхъ мужчинъ и женщинъ, и я обратилъ на это обстоятельство вниманіе своего сосѣда. «Поглядите, какая странность: у всѣхъ мужчинъ лица искажены либо страданіемъ, либо смертельной усталостью, либо нестерпимымъ презрѣніемъ. Очевидно, фотографировали ихъ въ охранѣ сейчасъ же послѣ погони или борьбы. Иные, безъ сомнѣнія, въ моментъ съемки находили въ себѣ мужество сдѣлать умышленную гримасу, чтобы нарушить фотографическое сходство. Но, вотъ, женщины: Вѣра Фигнеръ и Засуличъ, обѣ въ молодости; Екатерина Константиновна Брешковская, Конопляникова, Спиридонова, Маня Школьникъ, Нина и Наташа—севастопольскія героини и еще и еще. Посмотрите, какъ спокойны и просты ихъ лица и что за прекрасное выраженіе въ этихъ ясныхъ, такихъ человѣческихъ глазахъ. Чувствуешь, но не раз-

скажешь словами. Тутъ и нѣжная доброта, тутъ чистота мысли, и свѣтлая печаль, и такая счастливая обреченность, и великая любовь, и непоколебимая твердость рѣшенія... и—вглядитесь—какая мягкая, какая естественная женственность! Вотъ, я точно вижу, что идетъ по улицѣ такая женщина, чтобы убить какого нибудь усмирителя. Въ сумочкѣ у нея восьмизарядный браунингъ, а мысль о неизбежности собственной смерти такъ уже перемолота въ душѣ, что стала совсѣмъ привычнымъ, второстепеннымъ, будничнымъ вопросомъ. А около лавченки реветъ пресонливый, прегрязный мальчишка, бутузъ лѣтъ пяти, потерялъ копѣйку. И вотъ она зашла, купила ему пару маковниковъ, утерла замурзанную мордашку, одернула рубашенку и пошла дальше, на суровое, не женское дѣло, на смертный путь, на Голгофу».

Агрономъ закрутилъ винтомъ острие маленькой жесткой сѣдоватой бородки и отвѣтилъ задумчиво:

— Да, это такъ. Я въ партіи собственно не былъ, но много мнѣ приходилось видѣть этихъ славныхъ дѣвушекъ и чудесныхъ женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ есть и въ этомъ альбомчикѣ. И вы вѣрно сказали: я всегда чувствовалъ, что изъ нихъ лучится какая-то вну-тренняя, незыбкая святая теплота. Я замѣчалъ, что безчестный человѣкъ, лжець или трусъ, не выдерживалъ и на секунду ихъ прозрачнаго и тихаго взгляда. И то непередаваемое выраже-ніе любви и доброты, о которомъ вы говорите, я видѣлъ не только у революціонеровъ, но также и у настоящихъ сестеръ милосердія на передовыхъ по-зиціяхъ, подъ огнемъ. Оно бываетъ у всѣхъ русскихъ женщинъ, когда ими овладѣваетъ высокая идея, и овладѣ-ваетъ не такъ какъ мужскою душою, частично, а поглощаетъ цѣликомъ безъ остатка, до послѣдней мысли, до тон-чайшаго изгиба сердца... Да, да, да... Я такое именно выраженіе увидѣлъ какъ то въ лицѣ одной женщины, совсѣмъ обыденной, земной, тусклой женщины, когда уваженіе къ героизму и живое дѣятельное состраданіе подняли, всего на минуту, ея душу къ небесамъ. Хо-тите разскажу? Это коротко.

Такъ вотъ: время дѣйствія — осень 1905 г., мѣсто — южный берегъ Крыма, небольшой рабочій поселокъ, недалеко

отъ Севастополя. Теперь тамъ большой приморскій и виноградный курортъ, а тогда это дѣло только еще начиналось, но все таки было въ поселкѣ пять кофеенъ, гостиница, заводъ рыбныхъ консервовъ, лѣтній театришко, въ родѣ сарая, трое докторовъ, больница, аптека, фотографія, два училища, почтовое отдѣ-леніе, библіотека... вотъ, кажется, и все.

Къ осени всѣ виноградные больные разлѣхались на сѣверъ. Остались въ мѣстечкѣ только коренные жители, греки — рыболовы, да мы — случайная малая кучка интеллигентовъ. Давно, еще лѣтомъ, всѣ перезнакомились и уже успѣли порядкомъ надоѣсть другъ другу, но все таки сходились, распивали чай, шумно, безрезультатно и грубовато спорили, пережевывали вслухъ, какъ новость, содержаніе передовицъ изъ либеральныхъ газетъ, словомъ, дѣлали все, что полагается русскимъ передо-вымъ человѣкамъ, томящимся въ соб-ственномъ соусѣ. Исключеніе составлялъ зазимовавшій въ поселкѣ писатель... Да, впрочемъ, какой онъ былъ писатель. По цѣлымъ суткамъ пропадалъ съ рыбаками въ морѣ, а вернутся они съ уловомъ бѣ-луги, — напоятся бѣлаго вина, какъ ло-шади, и ходятъ гурьбой, обнявшись, по на-бережной и орутъ самыми недопустимыми голосами дурацкую пѣсню, въ унисонъ:

Ахъ зачѣмъ насъ забрали въ солдаты,
Посылаютъ насъ на Дальній Востокъ?
Неужели мы въ томъ виноваты,
Что вышли ростомъ на лишній вершокъ.

Собиралась мы чаще всего у Бориса Мурузова, приватъ — доцента, зоолога. Былъ онъ боленъ чахоткой и, кажется, самъ это — зналъ и потому весь былъ пропитанъ ѣдкой и нетерпѣливой злобой. Но изъ насъ онъ считался самымъ лѣ-вымъ и даже, кажется, сидѣлъ когда то на Шпалерной, и этотъ революціонный стажъ, вмѣстѣ съ его язвительной авто-ритетностью во мнѣніяхъ, дѣлалъ его какъ бы главою нашего случайнаго кружка. Всѣ мы значились лишь въ сочувствующихъ и негодующихъ, а онъ, все-таки, до известной степени, могъ сойти за дѣятеля съ прошлымъ.

Особнякомъ держалась его жена, Ирина Платоновна. Была она такая распрорус-ская женщина, бывшая институтка, но совсѣмъ простецкая баба, добрая, тол-стая, немного распустеха, всѣ поселко-выя новости раньше всѣхъ знала. Га-зетъ никогда не читала и отъ нашихъ міровыхъ вопросовъ зѣвала самымъ не-прикрытымъ образомъ. Мужъ былъ не-справедливъ къ ней, срывалъ часто на ней свою внутреннюю тоскливую злобу, грубо осаживалъ при постороннихъ, вы-смѣивалъ безпощадно... Надо сказать правду, нехорошо это у него выходило. И все изъ пустяковъ. Скучала очень Ирина Платоновна на югѣ, изнывала вся, особенно когда задувала на недѣлю вѣтеръ монтано; мѣста себѣ, бывало, не найдетъ, мечется по комнатамъ, какъ бѣлый медвѣдь въ клеткѣ. Все о сѣ-верѣ тосковала. Разъ она какъ то и

...Ирина Платоновна одного за другим, молча, перекрестила всех четверых...

скажи: «А у насъ, говорить, въ Зарайскѣ крыжовникъ теперь поспѣлъ, большущій такой, да мохнатый. Его хорощю въ сиропъ изъ вишневыхъ листьевъ варить». А Борисъ усмѣхнулся, криво, одной щекой и съехидничалъ: «Ты, не женщина, а гусеница. Ты пяденица крыжовниковая, *abraxas grossulariata*. Вотъ ты кто». Зло это было сказано, что и говорить, но какъ то прилипло къ ней это словечко. Такъ заочно и звали ее Гусеницей. Конечно, въ добромъ смыслѣ. Кто нибудь въ разговорѣ вдругъ скажетъ: «А какъ наша добрая Гусеница поживаетъ?» И правда, была она самага ангельскаго характера. Вспоминаю я ее живо: всегда въ широкомъ чапотѣ, съ открытой жирной, бѣлой шеей, а передъ платьемъ непременно стеариномъ закапанъ. И всегда она, съ утра до вечера, теряла и искала свои ключи. «Ахъ, куда я мои ключи дѣвала? Господа, не видалъ ли кто, куда я ключи положила?» Но замѣчательно вкусно кормила. Такой кефали, жареной на шкарѣ съ помидорами, я нигдѣ не ѣлъ.

Такъ-съ. А тутъ пошли большія событія. Началась всероссійская забастовка. Прекратились почта и телеграфъ, стали желѣзные дороги. Вскорѣ конституцію объявили: куценькую, правда, лживенькую, но и то какія упования были! Да и все это время... я про теперешнюю революцію ничего не скажу... дѣло веселое. Но тогда, тогда!.. Сколько радости было, надеждъ и свѣтлаго опьяненія какого то... И сколько любви! Ахъ, тогда многие люди проявляли свою душу въ такомъ масштабѣ, который превос-

ходилъ все отпущенные человѣку размѣры!

Вдругъ вспыхнуло возстаніе въ черноморскомъ флотѣ. Шмитовскіе дни... Потомъ разстрѣлъ «Очакова». Канонада и до насъ доносилась, даромъ что мы въ тридцати верстахъ жили. По морю гулко звукъ идетъ, а дни стояли безвѣтряные.

А на другой день послѣ «Очакова» Борисъ спѣшно послалъ за мной и за другими. Мы собрались къ нему. Самъ Мурузовъ былъ злой, взлохмаченный, нахмуренный, то молчитъ, то по комнатѣ быстро ходитъ. А на диванѣ сидитъ незнакомая дѣвушка, вѣрнѣе сказать, дѣвочка, тоненькая, хрупкая, съ дѣтскимъ милымъ личикомъ, но въ глазахъ, въ душѣ этихъ большихъ сѣрыхъ глазъ, — именно та глубокая человѣческая красота и ласка и чистота, все, о чемъ вы, вотъ сейчасъ, говорили по поводу альбома. Борисъ на нее рукой ткнулъ: «Это товарищъ Тоня. Она вотъ все расскажетъ. А это мои пріятель, люди порядочные, на нихъ можно положиться».

Она намъ и рассказала все, что въ Севастополѣ произошло на этихъ дняхъ и вчера. О томъ, какъ матросы заняли караулы въ городѣ, какъ Шмидтъ поднялъ флагъ на «Очаковѣ», какъ онъ объѣзжалъ корабли съ адмиральскаго борта, какъ съ нимъ отъ страшнаго переутомленія случился припадокъ и какъ Чухнинъ приказалъ обстрѣлывать крейсеръ «Очаковъ». Говорила она сжато, дѣловито, сухо и каждое словечко отчеканивала, какъ строгая учительница, объясняющая дѣтямъ задачу, но глаза блестѣли, точно звѣзды. Многие матросы,

по ея словамъ, сгорѣли заживо, другіе пробовали спастись вплавь на своихъ тюфякахъ и на кругахъ, но этихъ у берега разстрѣливали солдаты изъ пулеметовъ или прикалывали штыками. Иные потонули, не смогли долго держаться, — вода была черезчуръ холодна. Но часть матросовъ все таки спаслась на другой берегъ, и теперь десятеро изъ нихъ здѣсь, неподалеку, спрятались въ балкѣ, въ кустарникѣ. Надо во что бы то ни стало достать имъ денегъ и вольную одежду. Паспорта уже есть. А главное, дать имъ нѣсколько часовъ передохнуть въ безопасности, послѣ тѣхъ ужасовъ, которые они пережили за эту ночь. «И затѣмъ, скройте ихъ на нѣсколько дней, разсѣйте гдѣ нибудь по окрестнымъ имѣніямъ и виноградникамъ. Думайте, думайте! Шевелите головами, товарищи. Помните, что каждому изъ этихъ самоотверженныхъ людей грозитъ навѣрняка смертная казнь, если они попадутся въ руки жандармовъ. Я все оставляю на васъ, Борисъ, а сама сейчасъ же йду дальше. Мнѣ сегодня дѣла выше головы».

И уѣхала. Ахъ, какая умница она была, какая прелесть, какая отреченная отъ себя, какая повелительная! Другая ея партійная кличка была «Конфетка». Я бы ее назвалъ революціонной Жанной д'Аркъ.

Она уѣхала. И тутъ Борисъ Мурузовъ вдругъ скикъ и смикъ, царство ему небесное, и довольно противно это у него вышло. Говорить о томъ, что онъ давно уже потерялъ съ партіей связь, что партія, собственно, не имѣла права взвали-

вать на него ответственных поручений, что онъ вовсе не увѣренъ въ полномочіяхъ товарища Тоши, которую видѣлъ въ первый разъ, и пошелъ и пошелъ. Но какъ на него великолѣпно прикрикнула Ирина Платоновна!..

— Трусъ, не прячься за уголъ—твою тѣнь видно! Люди всю ночь въ студеной водѣ дрогли, не спали, не ѣли, каждую секунду смерть передъ глазами видѣли, а ты про полномочія! У нихъ петля на шею накинута, а ты разводы разводишь. Не можешь, не надо, тебя никто не осудитъ, ты человекъ большой. Но молчи, ради Бога, молчи и не стыди ты меня!

Ну и принялась же она за дѣло. Клипачокъ! Въ какой-нибудь часъ обѣгала всѣхъ интеллигентовъ и выкала, вы-

двухъ къ фотографу, а пятерыхъ на время приютила у себя. Разсмотрѣлъ я ихъ хорошо. Все крѣпкій народъ, кряжистый, но очень уже они были изнурены: глаза ввалились, взглядъ тяжелый, неподвижный, рты полуоткрыты и губы заеклись. И видно было, что всѣ они мысля, воображеніемъ еще тамъ, въ огнѣ, въ ночномъ морѣ, близко-близко отъ смерти.

Они сидѣли за непокрытымъ столомъ, а мы жались вокругъ, растерянные, немѣлые, какіе то деревянные, неестественные и точно виноватые. Разговоръ никакъ не выходилъ, и было намъ всѣмъ очень нудно. Да тутъ еще Борисъ съ однимъ теоретикомъ марксизма начали словесный диспутъ на тему, кто кого

такой узколобый, съ мутными глупыми глазами, съ огромнымъ разстояніемъ между носомъ и ртомъ. Чувствовалось въ его лицѣ что то напряженное до послѣдней степени, какая то обморочная блѣдность души. Казалось вотъ-вотъ вскочить онъ изъ за стола, выбѣжить на улицу и заоретъ: «вяжите, берите меня братцы, только не рубите мнѣ буйную головушку!» Но выпилъ водки, поѣлъ и отошелъ. И лицо людское стало.

А Ирина Платоновна заѣхала только на секундочку, посидѣла, поглядѣла и опять заторопилась по дѣламъ. Наняла единственного въ поселкѣ пароконнаго извозчика и объѣздила на немъ сосѣдніе хутора, гдѣ интеллигенты занимались виноградомъ и фруктами. Я ужъ

...Дуракъ, штаны надѣлъ на вытискъ, а матрешки забылъ!..

крутила изъ нихъ все, что только возможно по части денегъ, обуви и одежды. Нѣкоторые упирались: «Да я и такъ сколько передавалъ на эти сборы и подписки. Да я человекъ семейный и не имѣю права рисковать жизнью жены и дѣтей». Старая пѣсня. Но она вцѣплялась въ нихъ, какъ такса въ ухо кабана. «А, вольнодумствовать любите? А кукишъ въ карманѣ кажете? А тирановъ проклинаете въ тряпочку? А «Вставай, подымайся» напѣваете шепоткомъ? Ну, вотъ вамъ, поднялся народъ, всталъ. Чего еще хотите? Такъ и помогайте ему. Отъ васъ жизни никто не требуетъ, а только старыхъ брюкъ и немного дѣнегъ изъ бабушкина чулка».

Потомъ она удивительно ловко распорядилась доставкой одежды матросамъ, залегшимъ въ кустистой балкѣ. Переодѣтые они входили въ поселокъ по одному, а мы сидѣли и стояли на перекресткахъ, какъ маяки, и незамѣтнымъ кивкомъ головы указывали куда поворачивать. Трехъ она направила въ больницу, тогда, по счастью, пустовавшую,

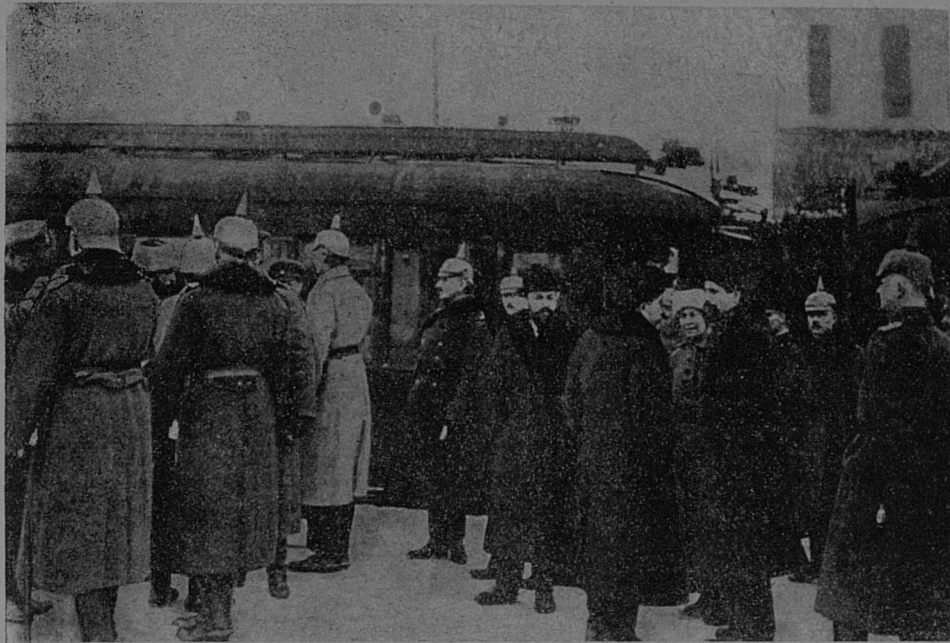
главнѣе, эсдеки или эсеры, и кому изъ нихъ человечество обязано черноморскимъ возстаніемъ—глупый споръ, вязкій, ребячeskій, а въ той обстановкѣ и вовсе нелѣпый. А матросы сидятъ и молчатъ и дышатъ съ трудомъ, какъ загнанные волки. Ну тутъ, спасибо, выручилъ вотъ этотъ самый, что называлъ себя писателемъ. Явился, чертъ его знаетъ откуда, весь въ рыбьей чешуѣ, но съ водкой, съ колбасой, съ таранью и съ жареной камбалой. И грубый какой! «Нечего говорить, вамъ здѣсь петрушку валить. Ну-ка, ребята, тянемъ послѣ трудовъ праведныхъ». Кто то было захотѣлъ возмутиться: «позорно въ дни такихъ великихъ событий думать о пьянствѣ». Но если бы вы только видѣли, какъ они накиннулись на ѣду и съ какимъ наслажденіемъ пили водку. И Ирина Платоновна, когда вернулась, очень благодарила писателя за находчивость. Всѣ они, я замѣтилъ, дрожали отъ холода и отъ переутомленія. А на одного бѣлобрысаго паренька мнѣ прямо жутко было смотрѣть. Онъ былъ

не знаю, какъ она тамъ молила, просила и требовала, но добилась общаго взятъ гдѣ двухъ, гдѣ трехъ, гдѣ четырехъ педенныхъ пришлыхъ рабочихъ на плантажъ и на переконку яблонь. Все ей удавалось въ этотъ день. Да, вѣроятно это такъ всегда и бываетъ: когда человека обуяла и точно электричествомъ его переполнила великая, самоотверженная мысль, то его невольно слушаются и люди, и животныя, и событія. Не правда ли?

Самое трудное было вывести матросовъ ночью изъ поселка, который весь, какъ бутылка къ горлышку, сужался къ шоссе. Въ самомъ переѣздѣ всегда по ночамъ торчалъ городской Федоръ, человекъ подозрительный и, по слухамъ, служившій въ тайной, политической полиціи, а черезъ тридцать шаговъ, справа отъ шоссе, находился домъ пристава Цемко. Но опять помогъ писатель. Онъ сказалъ: «Я разрѣшу все самымъ простымъ способомъ. Я заволокю Федора въ нивокъ къ македонцу, спрошу побольше вина и усажу его съ Колей Констанди играть въ домино. Вѣрьте мнѣ, что до конца смѣны онъ не оторвется. А самъ пойду къ приста-

Мирные переговоры въ Брестъ-Литовскѣ.

По фотографіямъ Скобелевскаго Комитета для „Огонька“.

Встрѣча германцами совѣтской мирной делегаціи на вокзалѣ въ Брестѣ.

ву и буду всю ночь слушать его вранье, какъ онъ былъ на Кавказѣ джигитомъ. Онъ, дуракъ, думаетъ, что я все это въ газетахъ опишу. И то, что я обещаю, вѣрно, какъ въ прошси».

Ирина Платоновна и я проводили свою партію, четырехъ матросовъ, довольно далеко, верстъ за восемь. Мы остановились тогда, когда въ разсвѣтъ можно было разглядѣть крыши хутора «Василь-дере» и слышать лай тамошнихъ собакъ. Зоря всходила надъ степью. Было холодно. Трава обиндевла и торчала белой, жесткой щетиной.

Ирина Платоновна одного за другимъ, молча, перекрестила всѣхъ четырехъ. И они молчали, обнажая стриженные головы. Я сбоку глядѣлъ на нее. Какъ помолодѣло и похорошѣло ея лицо, освѣщенное розовымъ, мягкимъ свѣтомъ, сколько въ немъ было того интимно-прекраснаго, глубокочеловѣческаго, за что единственно можно и должно любить человѣка, и нельзя не любить. А, главное, все, что она сдѣлала, ей ровно ничего не стоило. Это истекало изъ несложной и радостной потребности ея теплой, русской души. Вотъ вамъ и пяденица крыжовничная!

И, замѣчательно, никто не проболтался объ этомъ днѣ и объ этой ночи. Хитрые проникательные греки, зоркіе рыболовы, правда, что-то знали, о чемъ-то догадывались, но не лѣзли ни съ разспросами, ни съ намеками. Да, вѣдь, матросъ рыбаку — братъ. Одно море ихъ просолило.

Позднѣе стали показываться въ поселкѣ жандармы. Одинъ даже переодѣлся матросомъ и, подсѣвъ на набережной къ Юрѣ Капитанакі, завелъ съ нимъ тонкій, ухищренный разговоръ. Онъ, де, матросъ съ «Очакова», тонулъ при разстрѣлѣ, спасся чудомъ и вотъ теперь разыскиваетъ дорогихъ товарищей... Но тотъ съ презрительнымъ спокойствіемъ поглядѣлъ ему въ глаза, потомъ постепенно перевелъ взглядъ

на грудь, на животъ и на сапоги. И сказалъ послѣ долгой паузы:

— Дуракъ. Штаны надѣлъ на выпускъ, а паспортники забылъ.

А. Купринъ.

1918. Февр. Гатчино.

ЗВѢЗДНОЕ СЛОВО.

Поэма въ прозѣ.

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Я лежалъ на плоской кровлѣ сирійскаго дома.

Растопыренные вѣтви инжира съ широколаными листьями и тяжелыми гу-

сто налившимися сладостью плодами за-
слонили отъ меня дворикъ, а за ними тем-
ный и величавый одиноко подымался мно-
говѣковый кипарисъ. За стѣною пряно
и сильно пахнувшихъ мимозъ прятался
большой спящій городъ и только въ рѣд-
кихъ просвѣтахъ мерещились его бѣлые
дома, мигавшіе на меня тусклыми жел-
тыми огоньками.

Мнѣ на моей крышѣ казалось, что я
на палубѣ корабля и плыву среди мрака,
какъ плынуть надо мною и эти вѣчныя
звѣзды.

Куда?

Объ этомъ не вѣдаютъ онѣ, какъ же
могъ знать я? Вѣчныя звѣзды — таинствен-
ныя іероглифы безконечности. Милліоны
милліоновъ лѣтъ мерцаютъ онѣ надъ
темною землей въ однихъ и тѣхъ же
сочетаніяхъ и никто до сихъ поръ не
прочелъ ихъ сокровеннаго завѣта. Свя-
щенные неугасимые символы! И сердце
тянулось къ нимъ и порою мнѣ чуди-
лось, что съ своей палубы съ мачтою
кипариса я падаю въ ихъ страшную
бездну... Да развѣ весь этотъ темный,
сейчасъ, неизмѣримый для меня и пы-
линка для нихъ, шаръ не падаетъ тоже
въ ихъ пугающую воображеніе глубину?

И я мучительно старался прочесть ог-
ненные письма ночного неба. Каза-
лось, пойми ихъ, и все откроется тебѣ.
И должно быть смыслъ ихъ простъ и
кратокъ, весь въ какомъ то одномъ словѣ,
но слово это всемогуще, какъ «Будь!»,
создавшее весь міръ. Слово, только слово,
но перечисли всѣ слова, и ни одно изъ
нихъ не станетъ ключемъ къ заповѣд-
нымъ дверямъ бытія.

Можетъ быть этого слова нѣтъ на
языкѣ человѣческомъ. Нѣтъ и на языкѣ
ангеловъ, иначе не проклятъ былъ бы
сатана. Да и они сказали бы «слово»

Моментъ подписанія председателемъ коммисіи принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ
договора о перемиріи.

Принцъ Леопольдъ Баварскій сидитъ третьимъ слѣ-
ва, рядомъ, лѣвѣе — представитель высшаго герман-
скаго командованія ген. Гофманъ. По правую руку
принца сидятъ: представитель Австріи фонъ-Морей
и представитель Турціи Цели-паша. Делегация совѣт-
ской власти сидитъ по другую сторону стола. На пе-
реднемъ планѣ гр. Каменевъ, за нимъ гр. Юффе, гр-ка
Биденко, адмиралъ Альфатеръ и позади него стоитъ
секретарь делегаціи гр. Караханъ.

Брестскіе мирные переговоры, какъ извѣстно, про-
исходили дважды и въ первый разъ закончились вы-
ходомъ Госсии изъ войны безъ заключенія мира. Миръ
былъ подписанъ представителями совѣтской власти
только 3 марта въ 5 час. дня послѣ энергичнаго на-
ступленія нѣмцевъ въ сторону Петрограда и занятія
Пскова и Нарвы.

Ген. Гофманъ, представитель германской главной квартиры при мирныхъ переговорахъ съ делегатами Совѣтской власти.

Графъ фонъ Чернинъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, представитель Австро-Венгрии на брестской конференціи

поэту, и онъ въ неистовомъ, огненномъ вихрѣ вдохновенія передалъ его людямъ.

Это слово знаетъ только Богъ. Только Онъ можетъ вмѣстить его и молчать... молчать... Онъ самъ—это слово, и потому не угадать Его отграниченному временемъ и пространствомъ,—этими кандалами жизни,—уму человѣка.

Древніе вѣрили: кто знаетъ истинное имя Бога, тотъ самъ дѣлается Богомъ и на великомъ судѣ Его садится рядомъ съ Горусомъ.

А я все таки неотступно читаю и не могу прочесть его съ крыши бѣлаго сирійскаго дома. Все читаю и не могу прочесть, падая въ вѣчную бездну.

Напрасно трепетные жасмины и мертвенныя въ этотъ часъ тихой сирійской ночи лили съ невидимаго мнѣ двора безъ звука однимъ своимъ благоуханіемъ говорить: «Приди къ намъ, взгляни, какъ мы прекрасны!», тщетно въ просвѣты мелколистныхъ мимозъ дальніе огоньки мигаютъ мнѣ: «Торопись, счастье здѣсь у насъ!.. И самъ молитвенный кипарисъ, чуть шевели тонкую зыбкую вершину, шепчетъ:

— Не пытай сокровеннаго! Вся вселенная—только одна

страница запертой для насъ для всѣхъ книги Единого. Какъ можешь ты, жалкій и слабый, прочесть безмолвіе звѣздъ, когда тебѣ не понятны громовые раскаты Его невидимыхъ пророковъ, хотя ихъ глаголы чертить тебѣ во мракѣ огненной молніи?..

И широколапые растопыренные листья налитого черезъ край жирною землею сладостью инжира смѣются надо мною нагло и грубо: «Глупый ты, глупый! Забудь звѣзды и спи! Тебѣ ли носиться въ безднахъ Господнихъ—ты вѣдь такой же плодъ земли, какъ и наши тяжелые плоды. Падая на нее, они—добыча чер-

вей, какъ и ты, мы умнѣе и сильнѣе тебя. Могила—тебѣ уничтоженіе, а намъ—кормилица. Ты живешь, чтобы питать своими соками наши творческія силы. Мы высосемъ тебя изъ глубины земли. Живи, пока дышитъ—завтра у тебя будетъ отнято это. И никогда не вернется... никогда... никогда!..»

А я все смотрю на звѣзды, не вѣрю ничему и смотрю... смотрю... И чудится мнѣ, что, на зло грубой земной яви, оттуда изъ этой синей бездны свѣтитъ пока еще не сбыточная надежда, и вѣчные іероглифы мерцаютъ:

— Не бойся... Блаженны ищущіе, ибо

если они и не насладятся истины, то на путяхъ къ ней счастье восторга и святая дерзость вѣчной мысли... А «слова» мы сами, изображая его таинственный смыслъ, не знаемъ... не знаемъ... не знаемъ. Стремясь къ нему, ты роднишься съ нами—свѣточами бездны. Не бойся.. Ищи!..

«Исканіе» безъ надежды найти—высшее исканіе, ибо оно не ждетъ платы!..

Вас. Немировичъ-Данченко.

Во время перемирія на русско-германскомъ фронтѣ.

Встрѣча германскими офицерами русскихъ парламентаріевъ съ завязанными глазами.

Мы сидели на разбитой, сгнившей скамье на вершинѣ горы.

Сапфирный густой воздухъ нестерпимо сверкалъ надъ разлатыми вершинами курортныхъ горъ.

Внизу—дику было подумать—въ кокетливо-бѣлой музыкальной раковинкѣ приплясывалъ дирижеръ, взмахивая худосочными фалдочками, и жиденькій, какъ спитой чай, оркестрикъ сладко лилъ прилизанные, причесанные звуки вѣнскаго опереточнаго вальса.

А тутъ знойно-колеблющийся пологъ полуденнаго воздуха, гора «Верблюдка» съ одной стороны съ итальянскими виноградниками и черепичными кровлями у мощной подошвы, а съ другой надвинулись, затѣнивъ долины тѣнью мелколѣсья, горы — «Змѣвая» и «Лысая», мрачная гора, отъ которой такъ и тянуло, даже въ этотъ смѣющийся, нарядный дневной часъ, загадочностью и сумракомъ.

Вились столбомъ надъ нашими головами, отъ жара прикрытыми платками, смоченными ледянымъ газированнымъ нарзаномъ, столбики розовобрюхой, хищной мошки.

Пока Провъ Ивановичъ, старый тюремный жохъ на отдыхѣ, передавалъ въ безстрастѣйшемъ тонѣ одну мрачную исторію за другой, я полусознательно глядѣлъ на веселое дрыганіе мошекъ, похожихъ на жемчужную пыль. На этой огромной высотѣ онѣ плясали надъ иной жизнью, надъ паркомъ, рестораціонными юдьми, музыкой, умными книгами.

Понимаетъ ли эта крылатая сѣрая пыль, гдѣ она, какое дивное свѣтило льетъ на миниатюрныя крылышки поцѣлуй и жаркое свое золото!..

смѣхомъ Провъ Ивановичъ и положилъ желѣзную свою ладонь, твердую, какъ частица тюремныхъ дверей, на мое коѣно.

Я вздрогнулъ и отодвинулся. Нельзя сказать, что этотъ человѣкъ вызывалъ во мнѣ пріятныя, добрыя чувства.

Я его терпѣлъ только потому, что, подчасъ, онъ раздражался такими исторіями, какихъ до того, признаться, ни отъ кого мнѣ не приходилось выслушивать.

Краснолицый, съ высокимъ лбомъ мудреца, лбомъ, въ твердую кожу котораго, однако, были вдавлены противныя, блѣдныя морщины записного, прирожденнаго палача—онъ вызывалъ въ каждомъ наблюдателѣ двойственное чувство—интереса и презрѣнія.

Человѣкъ этотъ человѣкъ въ мягкомъ, нешенномъ коломанковомъ пиджакѣ съ закругленными фалдами и пронзительнымъ, птичьимъ, неприрученнымъ взоромъ зналъ отлично, но съ той, такъ сказать, позиціи, съ которой рабъ изучаетъ своего владыку, лакей—господина; короче говоря, отставной тюремный дѣятель презиралъ людей; мало въ чемъ, душевною, отличалъ ихъ отъ звѣря лѣснаго.

Наклонившись къ моему вздрогнувшему лицу и поймавъ на немъ, надо думать, отпечатокъ неуваженія, Провъ Ивановичъ только понимающе и цинически расхохотался и стукнулъ въ ладоши.

Какъ изъ подъ горы, таинственно вывернулся изъ подъ мягкаго, густаго навѣса кизилowychъ вѣтвей, обремененныхъ красными, сочными ягодами, восточный малый, въ папахѣ козыхъ «рунъ» на брито-голубой микроцефальей головѣ.

— Вина, мяса и мороженаго! Ну и парить, прости Господи! Прямо что твое пекло, что полукъ банный. Вотъ вы,—обратилъ онъ ко мнѣ каторжное свое лицо съ блѣдными морщинами истязателя на высоченномъ, умномъ лбѣ,—вотъ, вы, вижу, меня и за человѣка не считаете, а такъ—шпаной въ сердечномъ отношеніи. Однако, ваша выходитъ неправда.

— Я ничего вамъ не говорю,—слержанно замѣтилъ я вполголоса и отвернулся.

— Замечтался? — прогремѣлъ жесткимъ

Меня давило и въ то же время, признаться, какъ то приподнимало и даже оупяняло то несоотвѣтствіе, какое было предо мной: свободный свѣтлый міръ и этотъ тридцатилѣтній палачъ, солнце на синемъ небѣ, лѣса съ тоненькой просѣкой, какъ проборъ на щегольской головѣ, поѣздъ дачный размѣромъ въ гусеницу, переползающую съ бузиннаго листа на листъ и этотъ жирногрудый, съ бабьими, налопанными ляжками, откормленный человѣкъ съ ужасающими лимоннаго оттѣнка извилистыми, какъ веревка душителѣ, морщинами на лбѣ.

Видимо, поймавъ мой послѣдній взглядъ и сложивъ ему вѣрну цѣну, Провъ Ивановичъ поспѣшно налилъ изъ зеленой коротенькой бутылочки шипучей ледяной влаги на клѣтчатый носовой платокъ и молвилъ въ короткіе усы:

— Понарзанимъ маненько лобъ и приступимъ съ вашего разрѣшенія къ повѣсти. Вотъ послушайте-же...

Повѣрьте, милый вы мой, что себя я знаю преотлично и отнюдь не идеализирую. Много мрачнаго выпало на мою долю. Но были, скажу не рисуюсь, и довольно свѣтлыя страницы. Въ дурномъ не буду оправдываться, ибо, сударь вы мой, разъ на всегда рѣшилъ, что смерью смерть, а зломъ зло надо попирагъ—вотъ-съ... Характеръ у меня крутой, но не вспыльчивый. Для тюр... тюремнаго дѣятеля—преимущество въ этомъ изрядное.

Провъ Ивановичъ приподнялся и замолчалъ, помогая ловко восточному лакею, скользящему по травѣ козлиными подошвами чювяковъ, натянуть на столѣ скатерть, покрытую сельфериновыми пятнами пролитаго пьяными кутилами вина.

Зашипѣлъ тонко и пѣвуче румяный шашлыкъ въ паприкѣ, зашѣнилось красное вино въ тяжелыхъ пушпчатато стекла стопочкахъ.

Рогатые, кукурузно-пшеничные лаваши захрустѣли лакомо на бычьихъ низкихъ зубахъ рассказчика. Ълъ и пилъ Провъ Ивановичъ ужасающе жадно, такъ, какъ подчасъ ѣдятъ умные, звѣриннаго склада люди.

— Ну-съ, вотъ,—промямлилъ онъ, всхлипывая остатками непроглоченнаго вина,—было это въ нѣкоемъ градѣ на сѣверѣ. Пунктъ нашъ тюремный лежалъ въ сторонѣ Олекминска. Мѣста аховыя. А аховость, видите ли, ихъ, мѣстовъ

этихъ, въ томъ, что путь-дороженька прямо пролегла въ мѣста золотосныя.

Не было той недѣли, когда за кожанный мѣшечекъ съ золотомъ не лилася бы по лезвіямъ широкихъ лѣсныхъ сибирскихъ ножей человѣческая кровь.

Сидѣли у насъ все бывалые, ходкіе, страшные «Иваны», прямо сказать — звѣри. Не люди, а волосатый апокалипсисъ, ей-Богу.

Сантиментовъ у нихъ никакихъ. По первому обидному слову оскальпируютъ родную тетеньку.

Шла въ острогъ у насъ карточная и водочная прелесть въ небываломъ размѣрѣ, убивали каждодневно, душили такъ, что трупъ хоть подь увеличительное, какъ говорится, стекло, — ни одной царапинки. Мастера, доки съ...

Ни они себя, ни мы ихъ совсѣмъ не жалѣли. Стража по посу, высунутому въ рѣшетку, безъ никакихъ помидоровъ, какъ говорится, палила. Хоронили безъ отпѣванія и прокурора. Все съ рукъ сходило. И, вѣрите-ли, таково-то ожесточились, что никто никого за человѣка не почиталъ и угрызений не имѣлъ.

Разъ къ намъ загнали политическаго. Сначала не примѣтили. Ничѣмъ не отличенъ былъ: росту изъ себя махонькій, плечики, какъ у гимназисточки, щуплые, а глаза, какъ ночь, бархатны и смуглы-съ.

Стали больше приглядываться. Вотъ бываетъ, тюремный человѣкъ кошку полюбитъ и той кошке съ того дня — рай.

Такъ и Батлomu Ирашвили, — имя ему такое, — зажилось у насъ вскорѣ пріятно.

Стали мы за нимъ въ скоромъ времени замѣчать странности.

Весь день стоитъ къ каменной стѣнѣ, пригнувшись немного, лицомъ — ровно молится или глубоко задумался.

Нужно сказать, что посадили мы его въ одиночку и, какъ былъ Ирашвили человѣкъ тихій и поведенія скромнаго, то выбрали мы ему камеру безобидную, широкую, съ убитымъ цементнымъ поломъ и окномъ, въ которое ночью полъ-неба со звѣздами заглядывало...

Стоитъ онъ такъ день, стоитъ, согнувшись, другой.

Какъ то на утренней повѣркѣ замѣчаю: «не ладно».

Приглядѣлся — ахъ ты, ишакъ этакій, — вѣдь что надумалъ! Стоитъ онъ только для того, чтобы складной лопаточкой землю изъ подь щебенки копать и выбрасывать въ незадѣланную щель въ стѣнѣ.

Съ того бока стѣны брандмауеръ въ полуаршинѣ, а дыра для винтиляции — по

простому, по сибирски сдѣлана. Правильно, шельма лопухая, грузинская морда, разсчитать!

Поди ка повѣрь его! Землю, сколько изъ-за подкопа ея ни вынь, вся въ щели невидимой упрятана. Чисто работалъ и чуять по своему радости.

Вотъ опять, молъ, пустыни, урманы, тайга шелеститъ и бѣлые куропатки на шерстяныхъ своихъ лапкахъ, похожихъ на русачьи, заячьи, перепархиваютъ тѣшко съ кочки на кочку.

Опять свобода, конспирація, бомбы съ шоколаднымъ сюрпризомъ.

Въ Петрозаводскѣ этотъ самый Ирашвили «вице» такъ пригвоздилъ, что кишочки на чайномъ, говорить, на серебряномъ подносѣ унесли.

... Силантѣевъ поднялъ высоко бровь и, минуя мнѣ, молнией метнулся по коридору, забѣжалъ на дворъ и къ стѣнѣ не то что прижалеся, а какъ лунная тѣнь слилъ...

Хотѣлъ я подкопщика накрыть. Да душа не позволяетъ.

Войду къ нему, поиграю ключами. А какъ взгляну въ матовый бархатокъ глазъ его восточныхъ, глазъ тоскливыхъ, такъ по душѣ тоска прокатится.

Нѣтъ, думаю, не надо. Пусть душу отведетъ. Пускай поиграетъ въ счастливычѣки. Пусть подумаетъ, что ловко, молъ, провелъ нашего брата, а мы его въ нужный моментъ, когда подкопъ будетъ со всѣмъ готовъ, живо зацапаемъ.

Такъ и уйду ни съ чѣмъ.

Бѣгутъ дни, а мой Ирашвили все на стѣночку по жидовски-то молится. Небо

рѣшетками налинованное то вечерѣетъ, то снова покрывается красными утренними облаками, а онъ ничего не видитъ, глаза скопиль на сырую стѣнку, и какъ къ амбразуркѣ подойдетъ стражъ, руки, какъ ни въ чемъ не бывало, опустить...

Провъ Ивановичъ мигнулъ лакею и тотъ обе бѣлье-мягкимъ, какимъ-то восточно-ласкающимъ движеніемъ сгрѣбъ въ нечистый подолъ своего фартуха жирныя, въ капляхъ бараньяго сала, тарелки и помчался рысью въ павильончикъ на краю горной вершинки за фруктами и новымъ десертнымъ виномъ.

Провъ Ивановичъ снялъ пиджакъ, повѣсилъ на зеленую спинку скамьи, поковырялъ, сладостно мурлыча, гусинымъ перышкомъ въ гнилыхъ, плоскихъ зубахъ и бѣгло загворилъ:

— Ну вотъ, видите ли, тутъ вамъ и моя душа съ уясняется съ птичьего полета.

Пожалѣлъ. Жгло меня желѣзомъ огненнымъ. Съ одной стороны доставляю я Ирашвили иллюзію, а съ другой стороны, этакимъ родомъ его благодѣтельствуя, я вслѣски усугублю его тяжкій грѣхъ.

Съ каждымъ днемъ все гуще скапливаются тучи надъ его черной головой.

Ахъ чортъ... Что же дѣлать? Ладно!

Той порой я былъ вторымъ лицомъ въ нашемъ значномъ мѣстѣ. Иду къ нашему-то подлецу, къ Силантѣеву. Надо вамъ сказать — звѣрюга по всѣмъ статьямъ.

Но въ каждомъ человѣкѣ есть и флейта-съ. Помимо ножа остраго, матерубійственнаго и флейта-съ. Нужно только струну задѣть и раздастся музыка нѣжнойшая.

И я задѣлъ. Рассказываю все, какъ на ладони, и хитренько все присовокупляю поэзію души-съ.

— Смотрите, — говорю, — предупреждаю! Отвѣтственность на насъ обоихъ лежитъ!

Нахмурился Силантѣевъ и съ бореніемъ произноситъ:

— Спасибо. Не улетитъ птичка...

Пришелъ день, когда по всѣмъ видимостямъ бѣжать ему.

Ночь, какъ теперь помню, была глубокая и тоскливая. Въ такія ночи человѣкъ безъ жалости убиваетъ.

Черная, какъ школьная доска, земля лежитъ подь грѣшнымъ смолянымъ небомъ.

Возьми мѣлокъ и начертай любые грѣхи на доскѣ той. Шумятъ за городкомъ сосны-рудянки, весь день стоявшія въ кровавомъ, рыжемъ свѣтѣ низкаго, дыбучаго, сѣвернаго солнца.

Охъ, какъ хорошо будетъ Ирашвили рыскать по уремамъ, разваливать кестеръ изъ «сухарей» подь жестянымъ, пло-

скимъ, дорожнымъ чайничкомъ и вдыхать вмѣстѣ съ тонкимъ ароматомъ хвои запахъ милого уютнаго пара чайнаго!

Въ коридорѣ притаились мы съ Силантьевымъ.

Онъ въ мягкихъ котахъ на сапогахъ лакированныхъ. Глазъ озабоченный, по лбу, какъ бурунь, забота ходитъ.

Я потихоньку наблюдаю. Изучаю его. Какъ то онъ поступитъ?

Въ правой рукѣ — револьверъ съ отведеннымъ клапаномъ сжимаетъ. Не вѣрю. Стрѣлять не будетъ.

А онъ, мысли мои угадывая, наклоняется и, подкрадываясь къ прашвилинымъ дверямъ, шепчетъ:

— По первому моему слову — палите!

— Зачѣмъ палить, — говорю, — голыми руками, какъ рябца изъ сѣти, изловимъ.

— Нѣтъ, поздно, — шепчетъ взволно-

знаете, въ тирѣ, гдѣ изъ пистонныхъ ружьевъ господа потѣшаются, показывается, говорю, голова этого ишака чортова.

Лѣзетъ нашъ мечтатель, на стѣнку молившійся. Лѣзетъ, какъ глухарь — со слѣну, съ пламени души своей неосторожной.

Ничего ему не видать, а мы его — вотъ какъ видимъ. Какъ эту бутылку.

Тутъ бы намъ загремѣть револьверами и — отличія въ карманѣ и похвалы.

Оба изъ сибирскаго мурья мечтали въ людный, сносный городокъ перевестись. Случай то, вонъ какой; лѣзетъ изъ подъ стѣны, изъ подъ плиты.

Силантьевъ поднялъ револьверъ, глазъ нахмурилъ, а усы, какъ у кота, трясутся.

Въ темнотѣ улыбаюсь. «Мамонинъ, братишь, не стрѣляй».

— Э, Провиска, будетъ намъ предъ собой то ломаться. Знаемъ въ темъ дѣло. Такъ что же?

— А что?

— Перестань комедьяничать. Отпустимъ что ли?!

— Ваше-съ дѣло-съ.

— Хорошо! Беру на себя! Молчи только.

Горячо затрепеталъ я.

Обнялъ мерзавца моего, а въ глазахъ туманъ зыбится, словно дымомъ тайги горящей застилаетъ.

Ирашвили слѣдъ простылъ, а мы все въ объятьяхъ, ровно боремъ себя и свои сомнѣнія, — боимся отпустить одинъ другого, какъ бы не пальнуть вслѣдъ бѣглецу...

Провъ Ивановичъ хлебнулъ вино, какъ воду, поглядѣлъ на развалъ изумруд-

Теперь, братъ, малодушіе тебя, какъ потемками, облѣпить.»

Силантьевъ мнѣ опять шепчетъ:

— Пусть только побѣжитъ...

Хорошо. Вотъ вылѣзъ. Распрямился. Ахъ, какъ неосторожно.

Съ колѣнъ грязь посчитилъ, пятки поразмялъ и руки на луну съ мольбой потянулъ.

Въ одинъ мигъ онъ былъ за двумя заборами, а мы за нимъ сгинули.

Силантьевъ какъ былъ въ котахъ войлочныхъ, такъ и поскакалъ беззвучно, смѣшно на синемъ тюремномъ шнурѣ револьверомъ размахивая.

— Да — ну-же, — говорю, а самого смѣхъ и ликование разбираетъ.

Трудно на волѣ, подъ луной, на чело-вѣка охоту держать, какъ на лису.

Одно дѣло тюрьма и каждодневныя убійства. Тутъ намъ привычка дана.

Въ тюрьмѣ чело-вѣкъ — звукъ пустой, а тутъ — иная музыка.

— Стрѣляйте! — приказываю, а губы улыбка раздвигиваетъ.

А Силантьевъ такъ умоляюще и съ извиненіемъ мямлитъ:

— Душенька, Провъ Ивановичъ, вѣдь успѣемъ.

— Убѣжитъ, вѣдь, ишагъ.

— Куда ему? Отъ пули не сбѣжитъ!

— Да вѣдь устанемъ бѣжать за нимъ. Вотъ и городу конецъ. За улицами — ищи вѣтра въ полѣ...

Мигнули желто и печально послѣдніе фонари. Запахъ керосина, тайги.

Черная земля распласталась, а на ней три чело-вѣка, смерти и воли ищутъ...

Какъ выбѣжали въ черноту и глухоту, тутъ мой Силантьевъ запнулся на лету, духъ моржовымъ вздохомъ переводитъ и съ досадой красной лапшей машетъ:

...Обнялъ мерзавца моего, а въ глазахъ туманъ зыбится, словно дымомъ тайги горящей застилаетъ...

ваннымъ голосомъ Силантьевъ, — отвѣту много будетъ и подозрѣнія. Только стрѣлять остается. Карьера наша на ниточкѣ повисла.

— А жаль! — замѣчаю.

Силантьевъ нахмурился, но голоса не подаль.

Смотримъ изъ коридора, гдѣ огонь подкрутили, чтобы насъ не замѣтить ему. Стоитъ у развернутой полукруглой щели, ногой пробуетъ.

Окунулся до половины — и мы обмерли. Вотъ скроется. Силантьевъ поднять револьверъ, но опустил и шепнулъ:

— Чортъ... Рано!

— Какъ рано?

— А... такъ. На воздухѣ его продырявимъ. Такъ торжественнѣй будетъ! По всѣмъ правиламъ тревога!

Окунулся Ирашвили въ другой разъ.

Силантьевъ поднялъ высоко бровь и, мигнувъ мнѣ, молніей метнулся по коридору, забѣжалъ на дворъ и къ стѣнѣ не то что прижался, а какъ лунная тѣнь плотно влилъ.

Влилъ и я въ стѣночку.

Одна забота — какъ бы револьверомъ не бракнутъ.

Луна свѣтила мутно — молодымъ свѣтомъ, не вырѣзавшимся.

Въ тѣняхъ — деревянный частоколъ, а за нимъ каменной кладки высокій заборъ. На тюремной часовнѣ крестъ играетъ алмазнымъ кроткимъ осѣняющимъ сияніемъ.

Вдругъ показывается изъ подъ плитняка, черная и маленькая, какъ мишень,

ныхъ горъ, на овальныхъ тѣни въ ущельяхъ и ударилъ ладонью по скатерти.

— Вотъ вамъ случай...

И совсѣмъ неожиданно прибавилъ.

— Не судите и судимы не будете. Чувства разные, знаете, бываютъ...

Л. Пасынковъ.

АЛЫЯ ПТИЦЫ.

Разсказъ.

I.

Памяти павшихъ въ июль.

На золотомъ пріискѣ Лиственичномъ о случившемся въ далекой Россіи узнали съ большимъ опозданіемъ.

Все грамотное населеніе пріиска въ теченіе мѣсяца звѣрски ругалось, не получая очередной почты, ибо по неизвѣстнымъ ему причинамъ прекратилось всякое сообщеніе съ сосѣднимъ поселкомъ, гдѣ имѣлось почтово-телеграфное отдѣленіе.

Послали нарочнаго туда и, когда онъ вернулся, съ огорченіемъ узнали, что—

— И въ поселкѣ ничегошеньки не получаютъ, да и телеграфъ даже не работаетъ... Испортился чивой-то...

Больше всѣхъ беспокоился конторщикъ Николай Радинъ, политическій, отбывшій каторгу и сосланный на поселеніе сюда, въ глухой уголь.

У Радина, несмотря на то, что онъ давно уже разстался съ Россіей, еще сохранились связи съ политическими кругами и съ бывлымъ близкимъ міркомъ, особенно дорогимъ издали.

Радину шелъ тридцатый годъ; онъ былъ полонъ силы, энергіи, надеждъ на свободу и мечтаній, наполовину ничего общаго съ политикой не имѣющихъ, но дорогихъ сердцу.

Всѣ эти причины и заставляли Радина особенно сильно нервничать.

Все разрѣшилось внезапно.

Утромъ по грязной улицѣ, размахивая широкими рукавами цвѣтной блузы и мигая ланкомъ сапогъ, пробѣжалъ посыльный изъ конторы—«Яшка-Плюнь», озабоченный, съ шалымъ лицомъ и нелѣпыми жестами.

Комиссаръ надъ государственными театрами гр. Бакрыловъ.

Народный комиссаръ земледѣлія гр. Карелинъ.

Набѣгу онъ бросилъ какую-то фразу останавливавшимъ его встрѣчнымъ рабочимъ и скрылся за угломъ, а рабочіе обалдѣло сбились кучкой среди улицы.

Къ нимъ подбѣгали новыя кучки и вскорѣ весь путь отъ казармъ до конторы былъ забитъ пестрымъ народомъ.

Когда Радинъ выскочилъ изъ своей комнатухи и подбѣжалъ къ толпѣ, его

Президіумъ Центрального Исполнительнаго Комитета Совдеповъ: слѣва председатель гр. Свердловъ, правѣ гр. Аванессеръ и справа секретарь.

огорошили жутко-новыя слова, летавшія въ воздухѣ:

— Правда? Питеръ сгорѣлъ?.. Всѣ побиты! Царь убитъ...

— Нѣмцы что-ли?..

— Какое!.. Слобода—слыши! Ужъ новый царь даденъ... И земля! И воля!

— Револю-у-цы-ы-я! Вотъ оно што-о! —изумленно протянулъ надъ ухомъ Радина долговизый паренъ въ зипунѣ «на одно плечо».

И это полное странныхъ переживаній оспенное лицо парня осталось у Радина до самой смерти въ памяти, связанное съ первымъ впечатлѣніемъ отъ вѣсти о свободѣ.

Кто-то крикнулъ:

— Къ конторѣ!

Волна сальныхъ плечъ, грязныхъ грудей и пропотѣвшихъ спинъ подмыла Радина, понесла и поставила передъ конторой, гдѣ скучилось чуть ли не все населеніе пріиска.

Сумбурные слухи, нелѣпѣйшія догадки, чудовищныя предположенія и озлобленіе

толпы, равшейся къ правдѣ,—все разрѣшилось вскорѣ сухими строчками официальной телеграммы, прочитанной блѣднымъ управляющимъ съ высокаго крыльца.

А по прочтеніи воздухъ снова равнулся отъ гама, и взбудораженные рабочіе загладѣли тревожно, радостно, а кое-гдѣ и зло.

Радинъ убѣжалъ домой, не помня себя отъ нахлынувшего счастья, и что тамъ дѣлалъ, что переживалъ въ первые часы свободы, самъ потомъ не могъ вспомнить.

А къ вечеру второй уже нарочный привезъ почту, въ томъ числѣ газеты и письма Радину, который ѣлъ ихъ глазами, ушиваясь каждой строчкой. Душа горѣла отъ нервнаго подъема, а въ тѣлѣ ощущалось толченіе, похожее на то, которое испытываетъ человѣкъ, долго пролежавшій связаннымъ и внезапно освобожденный.

Отъ этого тягостнаго ощущенія отвлекло письмо въ узкомъ конвертѣ. Прыгали передъ глазами ровныя, четкія строчки и каждая буква ихъ говорила о глубокомъ, большомъ женскомъ чувствѣ, волновавшемъ душу писавшей письмо.

Это передалось и Радину, волнуя предвкушеніемъ близкаго счастья.

Наночъ онъ, почти заучивъ письмо, положилъ его подъ ситцевую подушку и заснулъ счастливымъ сномъ.

А съ утра началась уже новая сумбурная жизнь.

Недостаточное освѣщеніе событій давало пищу фантазіи; сплетались невѣроятныя легенды и били по нервамъ, мutilи душу и всколыхивали дурные инстинкты буйныхъ рабочихъ.

Кое-гдѣ уже горлачили о захватѣ земли и золота, о грабежѣ конторы и дележѣ добычи.

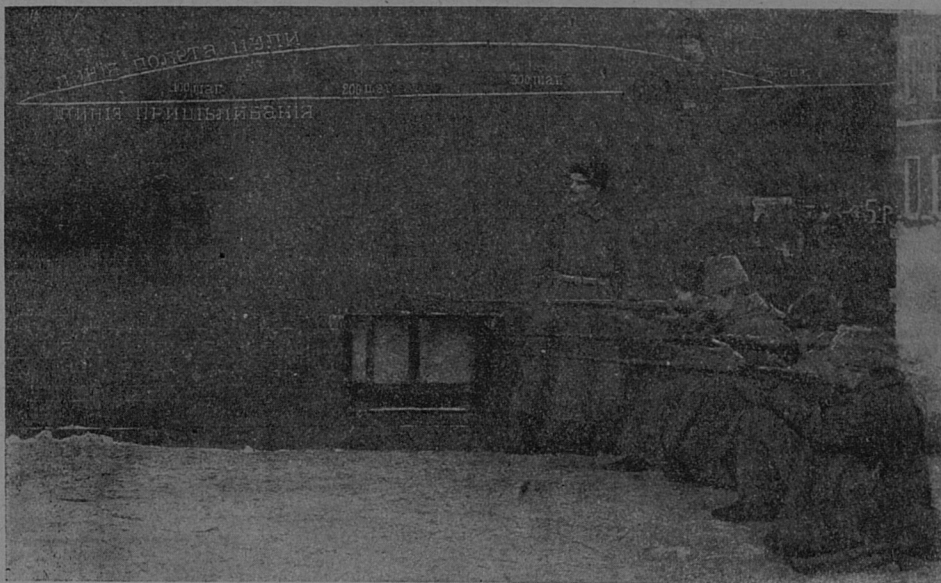
Часть рабочихъ разбрелась по сосѣд-

Председатель военно-революціоннаго трибунала гр. Зоринъ.

Организація красной соціалістической арміи въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для „Огонька“ П. Оцуна.

Учебная стрѣльба изъ ружей.

нимъ поселкамъ, разнося все новыя и новыя вѣсти.

Но изъ всѣхъ этимъ вѣстей слухъ объ амнистии оказался вѣрнымъ и рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Радина. А черезъ два дня всего быстро катились пыльнымъ проселкомъ парныя дрожки, и Радинъ, придерживая ногами прыгающій чемоданишко, прощался взглядомъ съ вечерньющими горными далами и знакомой панорамой пріиска, гдѣ были прожиты тяжелые три года.

А впереди было счастье и полная, яркая жизнь.

II.

Пятый день идетъ изъ Сибири поѣздъ съ амнистированными. На паровозахъ рѣютъ красныя стяги, на крышахъ топочутъ и стучатъ радостныя ноги смѣльчаковъ, прикрѣпляющихъ на крышахъ алыя флаги.

Всюду на станціяхъ съ подходомъ поѣзда у нея стоятъ нервныя толпы, разубравшія въ красное и себя, и постройки, и даже вагоны въ тупикахъ.

Даже скучно-шаблонныя вокзалы, со слѣдами пожаровъ кое-гдѣ, выглядятъ необычно радостными.

Рѣчи, рѣчи и рѣчи.

И уже заранѣе извѣстенъ церемоніаль каждой встрѣчи.

При подходѣ поѣзда нестройное «ура», потомъ привѣтствіе на тему о «наградахъ за страданія», о «годахъ ссылки» и о «новой эрѣ».

Отвѣтныя рѣчи, опять «ура», свистокъ, маханье флагами, шапками и платками, и снова путь.

Черезъ часъ—новая станція и старыя церемоніаль.

Вначалѣ яркія, казавшіяся выпуклыми и вѣскими слова рѣчей, постепенно потускнѣли, пріѣхавшіе, а шаблонная программность рѣчей медленно, но вѣрно гасила въ слушателяхъ ту вдохновенную радость, которая раньше ихъ охватывала при слушаніи новыхъ словъ.

Потомъ начало шевелиться нѣчто въ родѣ досады, похожей на ту, которую испытываешь, когда кто-нибудь небрежно обращается съ цѣнной для тебя и хрупкой реликвіей.

У всѣхъ амнистированныхъ такой реликвіей была гордость за перенесенныя во имя идеи страданія.

А эти затупившіяся, пошлыя слова, именно-то, и трогали эту реликвію грубоватыми, чужими руками.

Но настолько велико было упоеніе завоеванной свободой; такъ много яркаго было впереди у всѣхъ и у Радина, какъ болѣе молодого, особенно что мимолетныя переживанія досады мало трогали.

Зато приходили и тревожили сердце другія мысли.

— Какъ жить и работать впереди?

И Радинъ невольно задумывался часами надъ будущей жизнью, осложненной условіями стихійнаго переворота.

Но кто могъ сказать, что ждало его впереди? Будущее казалось то радостнымъ и свѣтлымъ, то пугающимъ и непроницаемо — темнымъ. И, обычно уставъ отъ этихъ думъ, Радинъ рѣшалъ:

— Поживемъ — увидимъ!

И переходилъ къ болѣе пріятнымъ мечтамъ о близкомъ счастьѣ съ любимой женщиной и въ атмосферѣ любимаго труда.

Въ этихъ мечтахъ сливались въ одно:

— «Она», свобода, счастье и запоздавшее наслажденіе жизнью. И порою утонувшему въ мірѣ грезъ Радина казалось, что онъ,—это

рыцарь, возвращающійся съ дружиной домой послѣ долгихъ и тяжелыхъ подвиговъ въ честь дамы и вѣры.

А тамъ, дома... Счастье... Цвѣты... Радость любви и отдыха... Или же представлялось ему, что съ затаптанаго тучами сѣвера, раскинувшись по небу вольной лентой, навстрѣчу горячему солнцу, летитъ стая красивыхъ алыхъ птицъ, полныхъ творческаго порыва. Горделиво напряглись ихъ пурпурныя груди, въ стремленіи впередъ протянулись свободныя, гордыя шеи, а мощныя алыя крылья, познавшія упоеніе и мракъ боя, глотаютъ пространство. Слухъ невольно галлюцинировалъ, и въ мѣрномъ грохотѣ колесъ слышалась величавая, напоенная гордостью побѣды мелодія.

Умъ, засыпая, подыскивалъ слова, и они являлись, слагая гимны летящей вольной стаѣ...

...Мы, Алыя Птицы, мы, Алыя Птицы!
Мы въ тучахъ тяжелыхъ и въ вихрѣ смерчей

Боролись при блескахъ кровавой Зарницы
И сбили концы упоенныхъ мечей!

Мы, Алыя Птицы, мы, Вольныя Птицы! —
Мы гордыя дѣти свободной страны;
Разбиты оковы и пали темницы,
И мощныя крылья порыва полны!

Мы, Алыя, Гордыя, Сильныя Птицы!
На крыльяхъ багровыхъ несемся туда,
Гдѣ ждутъ насъ нечитанной сказки странцы

И свѣтлыя нивы и счастье труда!

Радинъ, замороженный звуками и образами, невольно впадалъ въ похожее на трансъ состояніе и незамѣтно засыпалъ.

Такъ кончался его день.

А поѣздъ съ Алыми Птицами все шелъ и шелъ, фыркая и громыхая на мостахъ, рвалъ грудью ночную мглу и махалъ мерцающему небу бѣлыми ключьями пара.

III.

Радинъ весело шагалъ по направленію къ Невскому.

Настроеніе было бодрое, іюльскій день—солнечный, народу на улицахъ—тьма-тьмушная.

По пріѣздѣ въ столицу Радинъ съ головой окунулся въ работу и, какъ идейный борецъ-теоретикъ, каждый мигъ

Обученіе стрѣльбѣ изъ пулемета.

Советская власть особыми воззваніями объявила соціалистическое отечество въ опасности и, продолжая демобилизацію прежней арміи, всѣмъ дѣятельно формируетъ красную соціалистическую армію для защиты советской власти. Для вступленія въ эту армію требуется партійная рекомендація.

своей жизни отивать вновь наладившейся партии. И чѣмъ тупѣе, бездѣлнѣе и инертнѣе становилась та масса, для блага которой они работали, тѣмъ напряженнѣе и энергичнѣе работали Радинъ.

Образъ вернушагося съ побѣдой рыцаря потускнѣлъ, затертый тяжелой повседневной работой, а той женщины, которая должна была вѣнчать его въ мечтахъ, не было въ городѣ.

Только на-дняхъ она вернулась сюда, и сегодня освободившійся раньше обычного Радинъ направлялся къ ней, весь полный одной мыслью:

— Какъ они встрѣтятся послѣ долгой разлуки?..

Онъ шелъ, ничего не замѣчая по сторонамъ, а между тѣмъ въ ровномъ до сихъ поръ гулѣ дѣловыхъ улицъ уже слышались новые звуки, а червная толпа испуганно косилась туда, откуда они доносились.

Въ районѣ Литейнаго словно кто-то дѣловито и дробно стучалъ палками по дереву.

И только, когда ровный потокъ людей прорѣзался бѣгущими въ ужасѣ кучками, Радинъ понялъ, что это за стукъ.

Но тутъ кучка шедшихъ около подхватила его и прижала, закрывъ спинами въ нишѣ какихъ-то воротъ.

Трескъ усиливался и близился, и уже надъ головами, оббивая штукатурку, какъ-то ужасно просто и совсѣмъ не страшно, защелкали пули, летѣвшія вслѣдую.

И вдругъ жутко стихнулъ гамъ паники, а взамѣнъ его откуда-то слѣва приблизился гулъ моторовъ и дикое уханье.

И вслѣдъ за этимъ на чинно-линейномъ проспектѣ показались грузовики, неуклюжіе, потертые и громяющіе.

Разношерстные толпы вооруженныхъ въ картинно-угрожающихъ позахъ облѣпили машины.

Одинъ за другимъ, сотрясая мостовую, автомобили пронесли куда-то къ Знаменской, оставляя впечатлѣніе стада

формированіе пролетарскаго Краснаго Креета для красной социалистической арміи.

По фотографіямъ для „Огонька“.

Записъ въ сестры милосердія.

выпущенныхъ нечаянно звѣрей, все сокрушающихъ вокругъ, а вслѣдъ за ними повалила грязными клубками, пьяная отъ безнаказаннаго звѣрства и грабежа толпа потерявшихъ человѣческой образъ двуногихъ животныхъ.

Они бѣжали, цѣли, свистали и угрожали всему беззащитному, слѣпые, потерявшіе стыдъ, и волочили за собой по землѣ плакаты и знамена съ хаотическими лозунгами.

Но не успѣли эти табуны пробѣжать мимо воротъ, какъ гдѣ-то вправо застучалъ пулеметъ и смолкъ, заглушенный воемъ толпы и трескомъ разнокалиберныхъ выстрѣловъ.

А черезъ пару мгновеній, обезумѣвъ отъ ужаса, эти полулюди уже ломились куда попало, въ паническомъ бѣгствѣ, бросая оружіе и знамена.

Радину все происшедшее показалось кошмарнымъ сномъ.

Особенно страшнымъ наряду съ тѣми чувствами, которыми онъ былъ полонъ теперь.

Страхъ смерти миновалъ съ прекра-

щеніемъ стрѣльбы, уступивъ мѣсто чему-то болѣе тяжелому, царапающему мозгъ болью.

Болью испуга за дѣло, обиды за идею, за попираемую вѣру въ человѣческое...

Рядомъ стонали раненые, унавившіе въ судорогахъ на панель, а по опустѣвшему полотну улицъ мертвыми маками алѣли брошенные стяги.

Радинъ, измятый, полузадохшійся и еще не осмыслившій всего ужаса случившагося, вышелъ изъ освобожденной ниши и вдругъ, забывъ все, ахнулъ.

Впередѣ, въ десяти шагахъ, онъ увидѣлъ знакомый ему силуэтъ, скользящій въ толпѣ, и узналъ его съ радостнымъ волненіемъ.

Это была женщина, о которой онъ думалъ въ теченіе всей ссылки и письма которой заучивалъ наизусть.

Его полувздохъ-полукрикъ, очевидно, услышала она, такъ какъ остановилась, обернулась и вдругъ, узнавъ Радина, ахнула отъ радости и замерла на мѣстѣ, красивая, теперь уже близкая и полная ожидаемымъ счастьемъ.

Расталкивая прохожихъ, Радинъ кипуче кинулся къ найденному счастью, но почти въ ту же минуту, не добѣжавъ двухъ шаговъ до цѣли, какъ-то нелѣпо упалъ на колѣни, потомъ опустился на четвереньки, помоталъ головой, плынулъ струей крови и тихо улегся на панели, подпрыгивая вытянувшимися ногами.

Шальная пуля прошла ему черезъ затылокъ въ ротъ, выбивъ зубы и раздвоивъ языкъ.

Сзади, отъ Казанскаго собора, уже нарасталъ новый гулъ и деревянно стучали выстрѣлы.

Это шла новая манифестація — высказывать свои взгляды.

.....

И еще одной Алой Птицей стало меньше.

Леонидъ Саянский.

Записъ рабочихъ и работницъ въ санитары.

Парижскіе клубы въ дни коммуны.

Впервые за двухвѣковую исторію Петроградъ сталъ на военную ногу. На фонѣ слегка подкрашеннаго синевато-столчнаго неба уже рѣютъ нездѣшнія птицы, хитро вглядываясь внизъ и торопясь мимоходомъ сбросить что то отвратительное, грозное и смертельное. Кучками толпятся прохожіе и равнодушно глазѣютъ вверхъ, гдѣ маленькими пятнышками расплазуются шрапнельные разрывы. Гудятъ по ночамъ сирены, въ сонномъ мракѣ тоскливо ноютъ автомобильные гудки и развозятъ откуда то куда то группы вооруженныхъ людей, такихъ колючихъ своими высунувшимися штыками.

Богъ Марсъ, которому строитель города нѣкогда посвятилъ лучшую площадь въ «парадизѣ», пожаловалъ теперь взглянуть на Петроградъ. Пока онъ еще величественно спокоенъ и эгоистически позволяетъ нести все бремя заботъ своей немалой семьѣ, разбросанной по уголкамъ губерніи.

Насторожились Луга, схватившись за винтовку, замерла Гатчина и только ахнула Нарва, не успѣвъ отбросить приставаго къ ней чужака.

Среди почти осажденныхъ «мирными» нѣмцами петроградцевъ имѣются люди, побывавшіе сорокъ лѣтъ назадъ среди нѣмецкаго же пося, охватившаго Парижъ во дни коммуны. Если они помнятъ мелочи тогдашняго быта, то скажутъ, что если пруссаки и не были отбиты отъ парижскихъ фортовъ, то только потому, что власть имѣвшія лица не слушались многихъ совѣтовъ. А таковыя бывали иной разъ достаточно радикальными. Такъ отвергнуть былъ планъ заразить ядомъ воду Сены и разомъ истребить пруссаковъ. Во время яростныхъ дебатовъ по поводу этого замысла лишь очень немногіе сразу же сообразили, что пить то отравленную вогу будутъ не одни пруссаки и баварцы, а и добрые парижане. Съ этимъ потомъ согласилось и большинство здравомыслящихъ людей, такъ что Сена осталась безъ «вырыскиванія».

Любопытно отмѣтить, что на вопросъ о заключеніи перемирія съ пруссаками многія общественныя организаціи, выросшія за періодъ коммуны въ огромномъ количествѣ, высказывали взгляды довольно правильные съ точки зрѣнія политической. Такъ, напримѣръ, клубъ Вѣлой Королевы одно изъ своихъ засѣданій цѣликомъ посвятилъ этому злободневному моменту и высказался совершенно отрицательно. Клубъ напрямикъ заявилъ, что перемиріе ведетъ къ миру, а миръ связанъ съ реставраціею Орлеановъ...

Парижскій гражданинъ, едва успѣвшій высвободиться изъ подъ руки маленькаго племянника великаго Бонапарта, очень любилъ на досугѣ измыслить что-нибудь сильное для защиты своей родины. Нельзя сказать, чтобы всегда его предложенія были осуществимы и цѣлесообразны, но оригинальности ему во всякомъ случаѣ не стать было занимать. И приходится уже съ истиннымъ уваженіемъ констатировать, что парижане въ этомъ отношеніи проявили огромную патристическую жилку, бившуюся съ большимъ жаромъ. Правда, было много сумбура, но посреди всей пестроты лихорадочной

ловъ. Мятягъ, на которомъ это толковалось, пришелъ въ очень большое раздраженіе противъ «многобрачія» капиталистовъ и рѣшилъ было открыть подписку на отливку пушки «Чернь» для истребленія разомъ всѣхъ парижскихъ рантье. Дѣло спасъ одинъ находчивый ораторъ, громовымъ голосомъ произнесшій рѣчь въ защиту почти уже «обреченныхъ» «купонщиковъ».

— Граждане!—взвывалъ этотъ Демосфенъ—человѣкъ не совершенство, и никто изъ насъ не непороченъ и я беру въ свидѣльницы моихъ словъ всѣхъ гражданокъ, находящихся въ собраніи.

Засѣданіе женскаго клуба въ церкви Сэнъ-Жермень-Доксеуа.

По современной гравюрѣ худ. ЛИКСА.

Польщенные вниманіемъ и довѣріемъ гражданки шумно аплодировали и «Чернь» была сдана въ архивъ смѣлыхъ измышлений.

Различные спасительные «проекты» сыпались какъ изъ рога изобилія. Гражданинъ Ранье очень настаивалъ на похищеніи короля Вильгельма и на возвращеніи его пруссакамъ за миллиардъ франковъ.

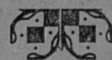
Клубъ Фавье въ Вильвилѣ вынесъ постановленіе о «приговореніи къ смерти всѣхъ ненужныхъ животныхъ, какъ то: похоронныхъ клячъ, собакъ и кошекъ». Но у собакъ нашелся энергичный защитникъ. Умѣлыми зоологическими доказательствами онъ отвелъ отъ собакъ ужасную опасность, убѣдивъ собраніе, что собаки, въ особенности пуделя, являются сочленами семьи.

Одно время извѣстнымъ «спросомъ» пользовалось предложеніе нѣкоего Бриона, по мысли котораго все населеніе Парижа должно было сдѣлать вылазку, вылазку поголовную и броситься почти двухмилліонною массою на пруссаковъ, въ чаяніи, что пруссаки не въ состояніи всѣхъ перебить: «пережившіе будутъ мстителями, а если мы погибнемъ, то обрѣтемъ конецъ, достойный столицы міра».

Клубы Парижа работали, не покладая рукъ, на пользу развитія коммунальныхъ идей. Но правительство народной обороны взглянуло на ихъ дѣятельность иначе. И клубы были закрыты декретомъ, въ которомъ указывались причины опалы: «преступныя возбужденія» и «трусые происки» многихъ клубовъ, «пятнающихъ безупречную славу обороны Парижа».

Парижане побурчали было, но скоро успокоились и приписали закрытіе «красныхъ клубовъ» проискамъ «реакціонной партіи», которой не по душѣ пришлось свободомысліе клубныхъ талантовъ...

В. А.

Романсѣ.

Въ каждахъ женскихъ глазахъ,
какъ въ ночныхъ небесахъ,
Я чего-то ищу, я стыдливо тону.
Звѣздъ красавицъ не счесть, но
избранница есть,
И избранницу ту я лелѣю одну.
По звѣздѣ тосковать—это значитъ
искать
Воплощенья ея межъ цвѣтовъ
бытія.
Много юныхъ прошло, много
глазъ обожгло,
Но въ какой же звѣзда
воплотилась моя?
О, скажись, позови на вершину
любви,
Заблести, загорись, какъ небесная
высь,
Брось въ ночныя струи золотой
чешуи,
Засмѣйся, улыбнись, буйнымъ
снамъ подивись!
Улыбнулась одна, мнѣ чужда,
холодна,
По улыбкѣ другой узнаю—я
чужой...
Только въ небѣ звѣзда никогда
не чужда,
Но... звѣздѣ неземной нуженъ
образъ земной!..

Алексѣй Липецкій.

Скредарри

изъ Меджибожа.

(Изъ стокгольмскихъ встрѣчъ).

— Похоже на то, что вы русскій,—
такъ разрѣшите васъ потревожить на
одну минуточку!

Старикъ, лѣтъ 65-ти, съ изжелта-
сѣдой бородой и изрытымъ морщинами
лицомъ, попыхивая трубочкой, протянулъ
мнѣ руку, прежде
чѣмъ я успѣлъ ему
что-либо отвѣтить.

— Вы меня, пожа-
луйста, извините, что
я такъ просто подо-
шелъ къ вамъ.
Соотечественникъ —
такъ вѣдь это можно,
да и къ тому же
мы всѣ теперь това-
рищи.

Я согласно кив-
нулъ ему головой.

— Также поку-
паете русскія газеты?
Развѣ это газеты.
Это—вѣдь одно не-
счастіе: вотъ онѣ
приходятъ, вотъ онѣ
вовсе не приходятъ,
и иди себѣ, гадай,
что у насъ въ Рос-
сиіи дѣлается? Мо-
жетъ быть, вы не-
давно оттуда?..

— Не такъ давно.

— Скажи-и-те, а,
какой вы счастли-

Во время перемирія.

Открытки германскаго изготовленія, разда-
вавшіяся нашимъ солдатамъ на фронтѣ, съ
портретами гр. Ленина и гр. Троцкаго.

По оригиналу, доставленному „Огоньку“ съ фронта.

вещь! Ну, что тамъ? Какъ тамъ? И,
будьте добры, объясните: уже свободны,
мы, евреи, или это только такъ гово-
рится. И вообще: что все это правда,
и правда-ли это, что правда? А? Вы не
удивляйтесь,—я вѣдь хотя и уже настоя-
щій шведъ, но я еще и русскій, и еще
какой русскій! Родина—такъ она все,
всегда родина!

— Не знаю, право, на что вамъ раньше
отвѣтить.

— Извините, что я васъ утомилъ
своими вопросами, но что же, если чело-

вѣку все надо знать? А можетъ быть вы
зайдете ко мнѣ напиться чаю изъ настоя-
щаго мѣднаго самовара. А, какъ вы ду-
маете?

И, прежде чѣмъ я выразилъ согласіе,
старикъ буквально завладѣлъ мною и по-
велъ меня черезъ плюзы въ отдаленную
часть старого города, сохранившаго еще
всю прелесть средневѣковья.

Въ узенькой улочкѣ, не больше двухъ
аршинъ шириной, онъ остановился у од-
ного изъ домовъ и не безъ гордости ука-
залъ мнѣ на вывѣску, гдѣ на русскомъ
и шведскомъ языкахъ было буквально
выведено слѣдующее:

«Портной Іосифъ Влумъ. Скредарри
изъ Меджибожа».

— Можетъ быть вамъ теперь ясно,
почему у меня къ Россіи такой интересъ.

Въ маленькой комнатѣ, куда ввелъ
меня старикъ, все носило строго па-
триархальный характеръ. На стѣнахъ—
шаблонные портреты благообразныхъ
евреевъ съ длинными бородами, на ко-
модѣ—подсвѣчники съ огарками свѣтъ,
гирлянды искусственныхъ цвѣтовъ укра-
шали стѣны, и если бы не электри-
ческій свѣтъ лампы да виднѣвшійся изъ
оконъ оживленный стокгольмскій портъ—
и впрямь можно было подумать, что я
очутился въ благословенномъ Меджи-
божѣ.

— Соня... Соня!...—крикнулъ старикъ,
куда-то въ глубь комнаты.—Пожалуйста,
приготовь самоварчикъ. Если бы ты зна-
ла, какой у насъ сегодня дорогой гость.
Прямо изъ Россіи. Иди, посмотри!

Появилась сѣдая сморщенная старуш-
ка. Она не безъ удивленія оглядѣла меня
съ головы до ногъ и, присѣдая, какъ
истая шведка, произнесла безразличнымъ
тономъ:

— Очень рада... Очень рада...

Когда на столѣ зашумѣлъ самоваръ,
мы уже бесѣдовали съ Скредарри изъ
Меджибожа, какъ старые, добрые знако-

мые. Я не безъ любо-
пытства слушалъ его
рассказъ о томъ,
какъ онъ очутился
въ далекомъ Сток-
гольмѣ и что дума-
етъ онъ «о великой,
значительно боль-
шей, чѣмъ француз-
ская, русской рево-
люціи».

— Что вамъ гово-
рить,—началь мой
собесѣдникъ, выжавъ
изъ меня все, что
только могъ.—Тя-
жело все это.—И, мо-
жетъ быть, вы ду-
маете, что я все-
таки испугался и не
ѣду въ Россію! Такъ
нѣтъ! Я ѣду—только
меня не пускаютъ.
Почему, такъ я этого
вовсе понять не могу!
Если бы мы съ Соней
были шпионы или
вообще тамъ что-
нибудь такое нехоро-

Врученіе германскими офицерами для передачи въ Россію писемъ изъ оккупирован-
ныхъ германцами русскихъ областей.

По фотографии Скобел. Комитета для „Огонька“.

шее, но кто же не знает, что я честный скромный ремесленник. А если мы попали в Стокгольм, так я могу разсказать вам за что и почему...

— Зачѣмъ? Что за интересъ!—пробовала протестовать Соня.

Но Блумъ, поддержанный мною, все-таки изложилъ мнѣ свою повѣсть.

— Жили мы—такъ вы только не смѣйтесь,—въ Меджибожѣ. И не думайте, что Меджибожъ плохой городъ. Онъ таки меньше, чѣмъ этотъ Стокгольмъ, но городъ, какъ городъ. Жили—не тушили. Было что кушать—такъ кушали, нѣтъ—такъ затыгивали потуже поясъ. И должны вы знать, что у насъ съ Соней есть единственный, какъ глазъ, сынъ—Пиня. Такъ нашъ Пиня еще мальчикомъ былъ такой сорванецъ, что меня просто ужасъ бралъ.

И въ 18 лѣтъ онъ захотѣлъ быть социалистомъ. Мать ему говоритъ, я ему говорю: «Пиня, что ты задумалъ, ты же насъ погубишь». Но развѣ ему можно сказать, развѣ онъ слушаетъ? Ну-ну, что было! Я шилъ на исправника. Такъ я, бывало, говорю Пинѣ: «Если ты не перестанешь, такъ я сейчасъ иду на тебя разсказать исправнику!» И вы, можетъ быть, думаете, что его испугаетъ? Такъ нѣтъ! Между нами, я ему таки всегда сочувствовалъ, но попугать, такъ отецъ вѣдь тоже долженъ. А онъ себѣ говоритъ: «Вы можете итти себѣ къ вашему исправнику, который беретъ взятки и деспотъ. Я его не боюсь, потому что исправника убить можно, а идею убить нельзя!» «Пиня, что это за слова. Что значить убить? Ой, Пиня ты доиграешься!» А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Папа, и они у насъ доиграются!» «Кто это они?» Ну, что говорить, Пиня таки доигрался первый. Его арестовали, его судили, его сослали. Что было! Мать, такъ она чуть отъ горя съ ума не сошла. Былъ сынъ—и нѣтъ сына. Ни писемъ, ни вѣсточекъ, и вдругъ: вызываютъ меня къ исправнику.

— Юска, — онъ меня всегда Юскай пазывалъ, — твой Пинька бѣжалъ изъ ссылки. Не у тебя ли онъ скрывается?

Бѣжалъ съ ссылки. Ну, думаю—слава Богу—найдется сынъ. И что вамъ объяснять, черезъ какихъ нибудь четыре мѣсяца и письмомъ отъ сына и деньги. Не проналъ нашъ Пиня—бѣжалъ въ Америку, устроился какъ нельзя лучше, шлетъ намъ письмо за письмомъ: «Папаша и мамаша, пріѣзжайте». Думали мы, думали съ Соней, но когда Пиня

прислалъ шифс-карты, и такъ мы таки поѣхали. Но у Пини всегда вѣдь штучки! Развѣ мы не могли ѣхать какъ всѣ люди? Нѣтъ, надо черезъ Готенбургъ. Ну, въ этомъ Готенбургѣ, только мы должны были сѣсть на морской чудо-гигантъ, такъ на тебѣ—Соня заболѣла. Лежитъ Соня мѣсяцъ, лежитъ два,—деньги у насъ слава Богу были—и все себѣ болѣетъ. Думаетъ, куда намъ за океаны—не обратно-ли ѣхать уже и вдругъ отъ Пини телеграмма: «Ѣду къ вамъ, получилъ отъ нашего пароходнаго общества мѣсто въ Швецію». Не повѣрите: отъ радости такъ я тоже заболѣлъ. Пріѣхалъ Пиня. Зажили, я самъ себѣ завидовалъ, какъ хорошо. Бывало, гуляешь себѣ по strandу и спрашиваешь: «Ты-ли это Юсифъ Блумъ, который изъ

вдругъ вечеромъ приходитъ ко мнѣ нашъ сосѣдъ герръ Карлоссонъ и говоритъ:

— Герръ Блумъ, а у васъ въ Россіи революція и безпорядокъ!

— Карлоссонъ, оставьте ваши нѣмецкія выдумки, говорю я ему. Я давно знаю, что вы германофилецъ—и вовсе не желаю слышать про эти нѣмецкія выдумки!

— Нѣтъ,—говоритъ онъ,—у васъ же въ Россіи свобода!

— Свобода,—такъ я уже его поцѣловалъ и таки моей радости, можете себѣ понять, конца не было!

Сейчасъ же звоню къ Пинѣ,—а, онъ уже знаетъ. Думаю,—еще бы! Я спрашиваю его: «Что это значить? И какаа это свобода?» Такъ что вы думаете

Пиня: — «Папа, у меня дѣла, у меня сегодня засѣданіе, я себѣ спѣшу, и меня это вообще не такъ интересуетъ».

«Засѣданіе.....

Дѣла..... Пиня,—какъ же это такъ? Ты же страдаешь, ты же боролся! Какъ же ты не волнуешься?» Нѣтъ, у него какія-то дѣла. И вы думаете, что съ этихъ поръ я жилъ хотя бы одинъ день? Ни одного дня! Шведскія газеты—такъ онъ или ничего не пишутъ, или себѣ клеветаютъ, а русскія—такъ онъ себѣ взяли за привычку или да приходитъ черезъ мѣсяцъ или не приходитъ вовсе, хоть умри себѣ здѣсь Юсифъ Блумъ. Такъ эта мнѣ исторія надѣла. Я—русскій, я почти, какъ политическій эми-

грантъ,—потому, еслибы Пиню не сослали бы на каторгу,—я развѣ уѣзжалъ бы изъ Меджибожа, и если Пиня уже только шведъ,—такъ я еще, слава Богу, еще русскій! Собрался—Ѣду. Такъ на тебѣ, неприятность: ѣхать вовсе нельзя. Можетъ быть, я вредное лицо, и нужно посылать тысячу бюрократическихъ запросовъ, и какой-то листъ и еще три карточки... Что миллионъ—два миллиона формализмовъ!.. И вотъ, можете мнѣ повѣрить, уже два мѣсяца, какъ мнѣ «даютъ» паспортъ. Это у нихъ называется «даютъ»: я прихожу, такъ мнѣ говорятъ, что вѣтъ отвѣта. Я и жалуюсь, я и декларирую,—что помогаетъ? Меня утѣшаютъ: «Общее положеніе. Вы должны это понять». Я долженъ это понять,—а что мнѣ, можетъ быть, желательно исполнить свой гражданскій долгъ,—это они не желаютъ понять! Изъ-за «вредныхъ»,—такъ я

Петроградъ въ эти дни.

По фотографіи Скобел. Комит. для „Огонька“.

Послѣдній отъѣздъ солдатъ изъ Петрограда на родину по Николаевской жел. дор.

Совѣтская власть съ объявленіемъ демобилизаціи и при приближеніи нѣмцевъ къ Петрограду предоставила солдатамъ столичнаго гарнизона право выѣзда на родину наравнѣ со стариками, женщинами и дѣтьми. Солдаты въ значительной степени использовали свое право.

Меджибожа, или нѣтъ?» А у Пини такія дѣла, что онъ только говоритъ: «Папа я чувствую какъ я богатѣю!» Я спрашиваю его: «Ну, а какъ твои социальные идеи?» «Оставьте, у меня дѣла. Развѣ мнѣ есть время до глупостей». Теперь такъ-таки у Пини большой «актіеболагетъ», онъ себѣ женился, а мы съ старухой таки живемъ отдѣльно. Мы вовсе не любимъ этотъ новый модернъ мебели, но чтобы нуждаться—такъ жаловаться не можемъ. Если я и работаю, такъ больше потому, что какъ же я могу жить—и не пить. Такъ должны вы знать, что мы живемъ здѣсь таки 12-й годъ. Пиня—онъ говоритъ только по англійски или шведски,—а мы съ Соней, что грѣхъ таить—таки любимъ перебраться по-русски. Но все-таки скучно. Хочется же послушать живое русское слово—повѣрите я вѣдь шесть лѣтъ по русски не говорилъ—гдѣ тутъ достанешь русскихъ до войны. И такъ мы себѣ жили. Какъ

долженъ сидѣть! Ну, думаю,—даромъ не дамся. Началъ энергически хлопотать. Узнаю, что въ Стокгольмѣ вотъ-вотъ будетъ мирная социалистическая конференція. Начинаю искать депутатовъ. Можетъ быть, на четвертый день одного нашего, онъ такъ обѣдалъ,—но развѣ до обѣда тутъ, когда мнѣ надо ѣхать. Изложилъ ему,—онъ спрашиваетъ: «Что же вы хотите?» «Что значить что: вернуться на родину?» «Ахъ, родину!» онъ себя смѣется. Меня взорвало. «А что у васъ, нѣтъ родины?»—вы, вѣдь, тоже русскій». И, повѣрите, такъ съ такой гордостью онъ говоритъ мнѣ: «Я—и-н-т-е-р-н-а-ц-и-о-н-а-л-и-с-тъ». Интернационалистъ? Ну, а я, слава Богу, пони-

Петроградъ въ эти дни.

По фотографіямъ для „Огонька“.

маю, что это значить. Куда дальше идти? Кого спросить? Пошелъ въ русскій комитетъ «Краснаго Креста», такъ они себя заботятся только о пѣлиныхъ, а я—не пѣлиный. Сказали: пойдите въ «эмигрантскій»,—а какой тамъ результатъ? Я ихъ увѣряю, что я эмигрантъ,—а они смѣются. Просидѣлъ, говорилъ два часа,—что помогло?—ничего. Выдумаете, это уже конецъ,—нѣтъ, еще! Узналъ, что въ Стокгольмѣ есть совѣтъ отъ настоящаго петроградскаго, тоже депутаты. Узналъ,

нашелъ, пошелъ—и, отсюда я уже не ушелъ съ пустыми руками,—Блуму дали послѣдній номеръ извѣстій, съ такими непонятными словами, что даже неловко,—а домой ѣхать, такъ они тоже не могутъ. Что мнѣ осталось,—«красть границу». Стыдно, некрасиво,—но, вѣдь, надо! Уже почти нашелъ человѣчка, который берется устроить это дѣло,—но, повѣрите, все-таки какъ-то неловко подумать даже: бѣжать домой, и не шпионъ, и не вредный элементъ,—и красть границу. Ну-ну!.. Все-таки хочется увидѣть и Меджибожъ, и какъ вообще все это идетъ! Но, вѣрите, чтобъ еще годъ долженъ былъ сидѣть и ждать,—такъ я буду ѣхать домой и и-н-т-е-р-н-а-ц-и-о-н-а-л-и-с-т-о-мъ-я себя не назову, потому что я, слава Богу, русскій.

— И зачѣмъ ты вообще говоришь такіе слова, интернационалистъ,—кратко встала Соня и, обращаясь ко мнѣ, добавила:

— Знаете, мы здѣсь, въ Стокгольмѣ, такъ привыкли къ хорошему обращенію. Это же Европа! А Блумъ—такъ онъ не можетъ, чтобы не сказать чего-нибудь: этотъ Меджибожъ сидитъ у него прямо съ головы до ногъ.

— А, оставь,—что вы, женщины, понимаете вообще!—глубокомысленно замѣтилъ «скредарри изъ Меджибожа»...

М. Неволинъ.

1) Дохлая лошадь, не убравшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней на бойкомъ мѣстѣ набережной р. Фонтанки. 2) Свалка снѣга и мусора на Невскомъ у Аничкова моста. 3) Б. гвардейскій офицеръ, занимающійся уборкой снѣга, въ минуту передышки...

Вечернее облачко таетъ
Въ послѣднемъ румянцѣ пурпур-
номъ

И ликъ свой луна выясняетъ
Въ просторѣ, какъ море, лазур-
номъ...

Едва зарождаются въ сини,
Какъ свѣтлыя капли слезинокъ,
Мировъ оливковыхъ пустыни,—
Отсюда—чуть видныхъ песчинокъ...
Колышется звѣздное море...
Серебряный мѣсяцъ блистаетъ...
Не знаю—на радость или горе
Меня это море качаетъ...

Филаретъ Черновъ.

— Пожалуйста!
— Хорошо торгуешь?
— День на день не приходится.
— Вотъ, вотъ. Х-хе... У насъ, вишь, тѣхъ же шей... Иной разъ съ сѣдока

Подгородная дача. Сугробы намело, какъ въ тундрѣ. Горный крикъ, а не снѣгъ. Бѣдный владѣлецъ уютно-про-мороженной дачи—дѣлать нечего,—взялся за лопату и принялся прочищать тропочку... Хотя-бы, вотъ, отъ крыльца до калитки кое-какъ этакимъ русакомъ зайцемъ доскакать.

Дворникъ въ это время предается изнѣженной задумчивости и чухонскому благо-растворенію воздуха съ той истовостью, которой позавидовалъ бы итальянскій ла-царонни...

За пріятной бесѣдой съ «сосѣдскимъ» двор-никомъ онъ не забы-ваетъ все же своихъ новыхъ обязанностей и изрѣдка приобод-ряетъ запарившагося барина:

— Эхъ... на пра-вую руку перело-жите. Сподручнѣй бу-детъ!..

Во что превратилась горлая красавица «сѣверная Пальмира». На Фонтанкѣ едва-ли еще не на той недѣлѣ лежала, раскинувъ ноги,дохлая лошадь. Прекрас-ное Марсово поле, бывшее мѣсто гулянія всѣхъ классовъ населенія, идилическій уголокъ «Лебяжьей канавки» стали прямо таки Брынскимъ лѣсомъ.

Только изрѣдка можно спастись отъ любителей чужого пальто, настроенныхъ весьма «бравурно».

На-дняхъ, къ себѣ домой чрезъ сѣн непроѣзжія владѣнія грабителей возвра-щался популярный клоунъ Жакомино, везшій съ собой дивно сработанную маску—ослиную голову съ бѣгающими на шарнирахъ глазами и мотающимися ушами.

такъ разлюбезно возьмешь, а иной—только плюнешь...

Сочувственно обмѣнявшись понима-ющими взорами, барышня и извозчикъ прощаются...

Торговля идетъ успѣшно. У барышни покупаютъ всѣ: полотеры, молотобойцы, и безработные. Барышня—счастлива...

* * *

Вокзалъ «Финляндіи»... Только что притащился поѣздъ. Дежурившіе у две-рей плывущихъ еще мимо вагоновъ изголодавшіеся петроградцы съ лов-костью «марафонскихъ бѣгуновъ» на-брасываются на бѣдную, оглушенную,

«Божественной», это правда, и «несравнен-ный», тоже правда, опе-реточной артисткѣ Д. улыбающійся капель-динеръ поднесъ стран-ный букетъ. Къ тому же и подавалъ-то его капельдинеръ—какимъ то косымъ движеніемъ, выставя передъ пуб-ликой рѣдкій узоръ живыхъ цвѣтовъ.

Но публика поняла. Публика учуяла въ чемъ секретъ страннаго, массивнаго букета: до первыхъ рядовъ доносился маслянистый, раздражительный запахъ вареной ветчины.

Поклонникъ таланта поднесъ увѣсистый окорокъ, декорированный, приличія ради, росистыми чашечками цвѣтовъ.

Боже, какъ радовались артисты, за себя и за публику заднихъ рядовъ. Ту публику, которая, завидѣвъ букетъ, изда-лека не поняла достоинствъ его и въ безсильномъ аппетитѣ не отбивала зубами волчью дробь.

Напали «рыцари большой дороги». Бѣдный Жакомино, въ подавленномъ со-стояніи, не зная что дѣлать, напялилъ маску на голову...

Сверкнули ослиные глаза... и раздался крикъ.

Кричали разбойники и осажденный, равно испуганные.

Самсонъ побилъ филистимлянъ осли-ной челюстью. Жакомино обратилъ въпаты враговъ—суконной маской осла...

Авгурь.

совсѣмъ подавленную чухонку, у кото-рой подъ промасленнымъ локтемъ за-жата посуда съ масломъ, а въ сво-бодной рукѣ, покрытое чистымъ полот-номъ, показывается ведерко съ «цѣль-нымъ» молокомъ. Такихъ аукціонъ, полныхъ зажигательнаго энтузіазма и щедрости, не видалъ ни одинъ художе-ственный аукціонъ—гдѣ нибудь на Мор-ской въ фешенебельномъ особнякѣ...

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи
въ типографіи журнала

(Государственная типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора)

и во временной конторѣ „Огонька“—Галерная, 63,

кв. 2. комната 4.

Что теряет Россія на Западѣ и Сѣв.-Западѣ съ подписаніемъ мирнаго договора.

312

Что было и что осталось отъ народнаго хозяйства Россіи.

